

Смена

№ 15

НОЯБРЬ

1933

Изд-во ЦН ВНП(б)
«ПРАВДА»

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТОЕ ПОЛЕ

(М. Ботвинник)

В то высокое искусство борьбы, зрелище было: неизбранный удар из укрепленного центра; тяжелый марш фланговых пешек; артиллерийский дульев — шахматы.

В кубрике шахматного короля, в полевой палатке генерала в табельной будке завода заложены тысячи шахматистов. Их картонные доски имеют сотни будничных назначений, на обороте их пишутся сюжеты бирдигадского промышленства, ими заслоняют на ночь рабочее окно. Но сейчас в этот расчесанный квадрат записка промышленной славы людей, и конь на нем свершает свои глубокие рейды...

Они задумались, головастые ребята нашей страны.

Вот начинаящие. Их удручат сломанное ухо коня. На них досках наложенные ладьевые пешки, заломные — пешкой рукой, одиноко шагают наступающие пешечности.

Вот асбакшесом племя шахматных «пижиков». Веселые будзумы азарты. Были — игра на скользкость. Играйт — это «шильдит» (от немецкого *schlagen* — играть). Партнер — «ассажир». Его «привозят»...

И вот мастера. Знатоки Каро-Кана, Реннитаня какого-нибудь K-g-5 в гамбите Алтынера... Вот он переставил фигуру, цеплюк пальцем по пластике хромонтера. Вот время, исполнение торжественны, блескет металлом, помахалось чужой цифрой.

Их немногих, советских мастеров, 30—35. Рабинович, Вередин, Левенфельд... Среди них — комсомольцы Матусов, Коренев. Всего три комсомольца—Борисов, Мазалев, Чеховер, два канадца—Юдовин и Голдман.

И самая, сожалея, молодой среди них — чемпион СССР Минха Ботвинник Комсомолец.

Схема его портрета: чутко напрягшаяся «электрок» сказала испорченную, очки и славная молдавская удача. Против него с ним особенно заметна ее отсталость от других, а наоборот — глубокая схожесть с такими же, что работят, что сейчас задумались над ходом. Начало «зверей» например...

В том южном городе, промышленный клуб находился в здании Союзпрома. В тесной прокуренной комнатке здесь собирались по вечерам любители шахмат, сидели за столами со склоненными головами и углавою болтали, шахматы с их памятами вспоминали, а то, если был на зале ее на f3-d2.

Однажды среди нас появился Серебреный. Откуда он взялся? Этот выдуманный мальчик в серой гимнастике забрался с ногами на стул, поднял подбородок, двумя руками и молча стал сидеть за игрой. Спустя неделю осмелился, стал подавать голосом. Потом однажды мгновенно заткнулся судьбового следователя Вильяннского. И вдруг стала чемпионом.

Серебреный чемпион! Помимо были бы, как быстро осмыслил мальчишка с новой ролью, как поднимется во тьме от доски свои зориные глаза, как беспечно бросал обомлевшим старикам:

— Славайтесь!

В памятной биографии Ботвинника очень много о Серебреном.

Это было в сентябре 1923 года. Мини «научили». Его удачлая простая победа побудила он появился на первом турнире своей доской, на которой похожим было сражаться почти вроде девиза: «Мини Ботвинник. Мат в два хода».

Молодежное восхождение Ботвинника началось тогда же. В 1925 году — инакратерийский турнир винограда. Спустя два месяца — турнир третьей категории, второй, первый.

И в том же году встрета с Капабланкой. Семь одновременных игр, — какое может быть у шахматистов лучше занятие? Капабланка, вспомнив о Чемпионе мира знаменитом шахматистом Ленинградом. Мини — еще 14 лет — забылся куда-то в угол. Могущественный «Капа» отоспал ему на ход ходом. Чемпион кружина в колоде досок, вымытой из строя одного за другим своих изумленных партнеров.

Но что это здесь, в углу? Не скроинет ли мальчишка? Все задумчиво становятся лицо Капабланки под минионной ложкой. И вдруг чемпион мира холмистой рукой опрокидывает своего короля. Подавляя ощущение величия, шарахнувшись, спокойно замечает чемпиона мира устроителя сеанса:

Михаил Ботвинник

— А этот малчик между прочим... Этот малдуганы! Он будет мастером.

В 1926 году Миня становится мастером, подавив в турнире 2-е и 3-е места с Ильей Рабиновичем.

В конце концов, если даже отбросить малютку комсомольского возрастка. Он — инженер-электрик, аспирант Электромеханического института. От старых наших мастеров Мину Ботвинника отличало счастливое незнание... талалой жизни. Над его партней никогда не склонялась квадратная голова медината. Он даже не поменял фамильный этик Савицких. Малютину же в честь моих дедковъюзлов шахматное искусство даровало именем России.

Игра в кафе, на ставку, на интерес, «на любовь» — для Ботвинника незнакомое ремесло. Возможно он даже проиграл бы, если бы рискнул сражаться на деньги. Нервнички!

Каждый год, когда ВСФК выделяет Ботвиннику в сокискателе шахматной славы, в институте инженер-электрики слушает очередное «отеческое» внушиение:

— Чем же вы, Михаил Моисеевич: все — шахматы да шахматы. В прошлом году в Москве — первое место, а теперь — тоже не легче — в Ленинграде. Говорят про Флор, вам дали. А грядут? А лаборатория практика?

Потом институт освободил инженера-электрика, комишинскую «прогул» и во всех газетах ловят его успехи: опять лидер, опять первое место!...

«В станце Старогорловской, где Александр Николаевич Толстой служил в батаре, любил кавказец и спивался чайханой, в тихих низовьях Терека я наследил на берегу, седеящею камарами, и, одурев от зноя, переставлял фигуры.

Колхозная бригада отпустила их донграту турнирную партию. За белых, помимо, играл младший капитан. Правсоник, за черных — Охрименко, кавказец.

Борьба игралася так: ход белым, ход черным. Минета творческого сопения над доской. Так-так хронометра. И снова ход белых. И на каком-нибудь тридцатом ходу результат 1:0.

Но вот — ничья. Половинка. Нужно зникнуть в комисии положения: растерянные короли на опушке доски.

На шахматном Западе ничья — трагическая гамма. Там и так говорят: ничья смерть. Шахматы угрожают печальной смертью. Действительно, процент ничейных партий в больших турнирах огромный. Это склероз мыслительной ткани, результат докторской теории.

Впрочем есть еще одна социальная причинка, с которой обычно не говорят. Коммерческий принцип шахматного искусства на Западе делает игру мастеров осторожной. И эта сезонная перекочевка гроссмейстеров с курортов на курорт в поисках приза и зарплаты стоит для профессионалов расточать усилия? Частная ничья тоже дает в турнире 20 участников почетный счет: 9½ очков. И мастера берут слалом. Бездарный разрыв, рукожопление, демонстрация зависти.

В СССР сильные любят результат. Ничью терпеть не могут. На польском празднике в дальнем Польше я видел живых шахматистов. Тренировать для kostomorovskих красноспортивцев изображали «белых» и «черных» на огромной раскрашенной площадке.

Короли на бойцов 7-й роты ходили по площади в картонных коронах и в густо смазанных салом. Пещи стояли с винтовками на перепсы. Для половины «звезда» коммюнизовали игры с трибуны.

Наконец черным принесли пора сдаваться. Их короли был заткрыт в патовом положении, фигура не осталась, одна ладья — висела пузулечком с учебным пулуметом — раскатывалася по доске в пучине смерти. Платят.

— Где тут, товарищи, h8?

Тогда родилась у черных идея: бешеная ладья! Ничья! Бешеной ладьей называется особый вид шахматного шага. К нему в удачном случае прибегает слабая сторона, чтобы избежать гибели. Чужого короля ладьей слабой стороной начинает шаховать в упор белы защитцы, не боясь, что ее снимут с доски.

Сейчас же ладьи, пущенные королю ведь в паз, не спешат — шаховать до бесконечности.

Бешеная, один словом, ладья.

Но как расскрывают зашахматенный король баллы. Этот славный мальчик, запасавший озлоблен из 3-го взвода, сперва был несколько озлоблен. Он уже утомился немножко, а тут эта дикая погоня. Спасаться от неизящного пулуметчика, когда его можно... пулумет достал?

— Отчего? — спешит — я так разыгрывал, что члены погонялась со смехом.

Ладья опправдывалась:

— Я ж сбесинись, браток, — шептала пулуметчик королю, подкатываясь прямо под него со своим пулуметом.

Зрители все это сперва смеялись, но потом раздались недовольные голоса:

— Чем ж эт?, Ничья?

«Бешеная» подняла почку коня из-под щеки командир полка. Он поднялся на трибуну и всхрапывал зевами с удивлением:

— Чем же, товариши! Разве это счет — ничья? Для этого и начиняю не стыдно и ладей мучить...

Черные феноменально проиграли.

Мат с Флором не будет ничейным. За это Ботвинник почти ручается. Флор — один из сильнейших гроссмейстеров мира — может быть в силу эмоций не любить ничьи. А Миня, тот просто не умел справляться с ничеческим положением. Это достаточно говорит сама мат.

Гамма на Энзее, «бешеный» Ботвинник, игра, может быть, более бесконечна, здесь у нас она более смела и выразительна.

Мат должен быть интересен. О сло результатах гадать нет надобности. Ботвинник чувствует себя готовым к упорному сопротивлению. Флор, любимый шахматистом Запада, в схватках с Алексиевым, Нимовичем и Энзе показал себя как проки, актёрский талант.

Возможно, полни отяг, усталость и остроумия. Но интерес к матчу не должен иметь самоцельного значения.

Шахматы — искусство борьбы. Подобно музыке, в ее боевых образах, шахматы поднимают на побудь.

Он придет, мастер золотой обработки Степан Закариашвили, в Коломенский С. Западной юности в руках он будет весь вечер сполз в голле в тени деревьев, в садах, в парках, в садах демонстрационной доски. Он будетожесточено спорить с приятелями по руки. Он будет чиртить Ботвинника за ошибки и благородно уламывать ему комбинации.

А когда кончится партия, он оставит эти 64 поля и пойдет в цех.

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

№ 15

1933

10-й год издания

Тел. 2-89-28

Издательство МК ВЛКСМ
Орган ЦК и МК ВЛКСМ(О), «Правда»

Рис. И. Базина

ХИМИЯ

РАССКАЗ

Валентин Петрович открыл жадный рот и вдохнул.

По его лицу пробежала брезгливая гримаса. Утренний воздух был отравлен запахом гниения.

— Фу, чорт возьмите! Какая гадость!

Он выталкивал изо рта остатки супа и масла. Над ней послышались тучи зеленоватых мух.

— Сколько добра пропадает!

Он быстро оделся и вышел на улицу. Он затащил за воротник пальто, чтобы масло не воспринимало предвкушье бактерий.

Усыпавши шаги, старик вынул голову из бочки и удалинулся:

— Гадрости, Валюша, как сплюсь?

— Сон, фу, сон, — сказал он, говоря себе.

Валентин Петрович прошел по помойной яме, пошлая на право, полоскал головой и вдохнул:

— Сколько добра пропадает!

В эту минуту из ворот вышел почтозаводчик, увозил с маслом в сибирском городе Химик, не останавливая машинки, високим на подиумку и, открыв дверцу, влез в кабинку шофера.

Он решил:

— 2

3 столом сидел рыжий мужчина с седеющими усами. Он водил карацапом по бумагам, и по его абу стреляли мордочки.

Сначала пальцы, вылезшие из-под одеяла, забытое каражаса, вползли в душную теплоту постели. От этого отчего-то здорово всхлипало на месте колено. Потом тепло перешло на плечи, и они покраснели на бок, и изменились руки, запястья засияли краснотой.

Затем уж начинка ощущала мир и его каштановые головы.

Пробуждалася она с ног.

Сначала пальцы, вылезшие из-под одеяла, забытое каражаса, вползли в душную теплоту постели. От этого отчего-то здорово всхлипало на месте колено. Потом тепло перешло на плечи, и они покраснели на бок, и изменились руки, запястья засияли краснотой.

Затем уж начинка ощущала мир и его каштановые головы.

Сначала пальцы, вылезшие из-под одеяла, забытое каражаса, вползли в душную теплоту постели. От этого отчего-то здорово всхлипало на месте колено. Потом тепло перешло на плечи, и они покраснели на бок, и изменились руки, запястья засияли краснотой.

Затем уж начинка ощущала мир и его каштановые головы.

Валентин Петрович не открыл глаза, чувствовал, как теплый рюкзак завода, работавшего за спиной, мягко стекал в уши. Химик казалось, что около него на подиуме сидят огромный сибирский кот и мурлычет.

Снчаков счастливо улыбнулся.

— Уже работают. Молодцы. А меня не будят:

— И он не открывая глаз, улыбнулся. Перед его зрачками вставала колонка цифр — итог тверашки выработки.

Валентин Петрович ленясь головой к окну.

На его столике покоялась книга «Маслоделие промышленных стран», перепутан в корешке, чтобы удобнее читать лежа, коробочка с папиросами «Турист» и круглая роговая очки.

Когда Валентин Петрович открыл глаза, то увидел в стеклах очков изумрудный мир: раму окна, наружу и внутрь, склонившуюся дверь, расступившиеся приоткрытые створки, угол скрипача, уединенного в темноте, да еще звонкие, заложенные в стеклах птичьи перья.

Иногда по окраинности окон проходили умчавшие люди, прожигавшие беззраднические колеса телег и спрятанные черные молнии птичьего полета.

В комнату ворвался Валентин Петрович:

— Привет, Котик! Ты знаешь, что артиллерия содержит в себе...

— Не содержит, а разве двумястам граммам миса и двумястам картошки и тому количеству луковицы, которое необходимо на обжаривание этих четырехсот граммов?

— Но! — застыла Снчаков. — А мы при вздыхании масла берем из молока немного того, не имеют другого, а остальное выбрасываем в виде сыворотки.

— Кормите сывороткой свиней.

— А где я их возьму?

— Ни, и у меня их нет.

— Ну так вот я и пришел посоветоваться насчет сыворотки.

— Опять что-нибудь придумаешь? — мягко улыбнулся, спросив председатель правления Маслоторгства.

— Да.

— Башкозатый ты парень. Ну, что там у тебя? Выкладывай.

Валентин Петрович, горячас, стал рассказывать свой проект. Он ерзал на стуле, вскакивал, метался по комнате, вытаскивая из кармана бумажку с цифрами и в это время из краинки изрыгалица.

Когда он кончил, председатель равнодушно склонил голову:

— Это же ново. Это уже давно делают в Америке.

— А почему же нам не делать?

— Нет машин для и помещений тоже.

— Ну надо, чтобы они были! — выкрикнул Валентин Петрович.

— Я сам знаю, но и ты хорошо знаешь, что для этого нужны фонды, а чтобы получить фонды, нужно иметь план, а для плана нужны нормативы. У нас же нет и ее. Ты съезди к секретарю райкома, толкни его...

...Он вынимает колбу из гнездышки, встремливает и наблюдает, как за прозрачным стеклом пересыпается однотипно белая пыль...

Валентин Петрович помчался в райком.

Поймай секретаря в коридоре, Валентин Петрович схватил его за пуговицу.

— Ты потише, а то оторвешь, — остановил его, удаляясь, секретарь.

— Степан Иванович, такое дело! Априт молока развел...

— Дауметам граммы масла и двумстах...

— Откуда вы знаете? — удивился Валентин Петрович.

— А мне Котов званил, что ты занимешься и пишешь о управлении. Идея-то лучше ко мне, там сбрасываю ребята и потолкуем.

Они вошли в комитет секретаря. Там было немножко членов борьбы райкома. Они сидели на по-докониках и курчах, разговаривая гайдой о спомах.

— Ну-ка, лежите места согласно взятым билетам, — сказал секретарь. — Сейчас Сачков сделает внеочередное заявление.

Когда все уселись за стол, Валентин Петрович начал:

— Априт молока развел...

— Знаем, знаем! — раздались вскруги.

— Откуда вы знаете? — смущалась Сачкова.

— Нам Степан Иванович рассказал!

— Ну-ка, — оправдывался от смущения, прогложил Сачков. При выделке масла остается много сухого молока — обрата, который мы перерабатываем втворог, а сыротка — отход при выработке творога — выливается вон. Она гипит в помойных ямах и зарастает воздухом. Но этого масла еще обладает способностью впитывать в себя запахи, и дело доходит до того, что хоть переноси завою подальше от этого места, и вонь не исчезнет.

Между тем на сыротке молоко (а ведь есть она) притягивает высокомолекулярные питательные и целяминые продукты: кефир, йогурт и щедрофильные молочники.

— Ну, что ты уже хватил аншук, — перебрал его секретарь райкома.

— Не мину, Степан Иванович, не мину. Вы послушайте дальше. Молочная сыротка содержит в среднем до пяти процентов молочного сахара, да одного процента вторичного белка...

— А что это за штука — вторичные белки? — переспросил Сачкова представитель комсомола.

— Вопросы после... — остановил его Степан Иванович.

— Ничего, — сказала Валентин Петрович. — Я отец. Вторичные белки, это — альбуминовые, торог-цифер. До сих пор молочный сахар у нас в ССР не вырабатывается, а потребность есть его, не исполнены давним, только для химической и фармацевтической промышленности, производится до 80.100 тонн в год. Молочинник работает до 80.100 тонн в год.

Нет, чтобы не забыть, дорофеев товарищи, что молочный сахар — это сколько-то взрывчатое вещество, а мы все это выбрасываем весь. Так дальше продолжаться не может... Я кончи.

Продолжение заседания было шумным.

* * *

Небольшие колбочки наполнены образцами. Они стоят в кончике Валентина Петровича на подставке, как трубки органа.

На каждой колбочке надпись: «альбумин», «мочевина», «кальций» — и самое главное: «молочный сахар».

Валентин Петрович не может равнодушно проходить мимо этой колбочки. Он внимает ее осторожно из гипсодержащих, астринает и наблюдает, как за прохожением стеклом пересекаются ослепительно белые мыль, тяжелые, как песок.

— Капут тебе, Германия, — говорит Валентин Петрович. Имя молочного сахара покорено. Слезы блеснули. Довольны.

И он проводил глазами карнавалом по стеклянным трубкам, напевая:

— Трум-пум, трум-пум-пум.

Колбочки гуляли, спутнившись колбой и вытряхнув лишнюю порцию сахара себе на ладонь.

— Сахарок, хе-хе. Это — вальса в карнавале.

Он высвободил язык и есторонко хочет присоснуться к сахару, но потом отдергивает голову, словно он уже засосана белой горошиной, и замыкает глаза, умокает губами:

— Сахарок — это вам не жук на плачеве. А Германия капут! И года не прошло, как мы взялись за дело, и вот — позлуйте!

Он выходит порошок обратно в колбу, ставит на место и проводит карнавалом по стеклянным трубкам, поет:

— Трум-пум, трум-пум-пум.

Он счастлив.

И. Зарубин

Деревня кончается садом, напоминающим букет. В саду цветет ночь, цветут белые болоны, и расцвело белая сирень.

Они встали на деревенской улице и прошли в сад. Мост недавно построили. Он очень удобен для пешеходов и транспорта. Удобен для назначения свиданий, почти все говорят: у моста.

Саду они садятся под сирень, на отесанное толстое дерево, заменившее скамейку. Это место надо успеть занять, потому что многое забываетесь.

Ее зовут Доба. Его фамилия Иванов. Она одета в белое платье с большими нарукавными цветами. Кажется, что платье — это цветы. Ее блестящие глаза раскрыты. Окликнула идет в манежную скамейку. Фигура манекинщика поклоняется ей, она и земой не отвечает.

Пока она слышит молча, у них звенят в ушах. Это шум упадущего сна.

Наконец Доба спрашивает:

— Мне говорили, что ты сядешь куда-то верхом. Куда ты сядешь?

— Я сяду в Линики, — отвечает Иванов, — если на серебряном дне...

— А как же я буду сидеть на синем дне?

Иванов долго смотрит на нее и говорит: — Мое дело не может интересовать тебя. У нас совсем разные обязанности.

Доба работает в детской консультации. Ее обязанности — осматривать младенцев, зашивать их, давать советы и указания матери. Она мало заботится о собственных обязанностях, но она обижается, когда ее обязанности ограничиваются.

— Так по какому же делу ты все-таки сядешь? — спрашивает она.

Иванов срывает большую ветку сирени и начинает рассказывать Добе, что такое классовая борьба.

Кто-то помыл и вымылся на колхозном поле, созревающую рожь. Он хотел побить и арестовать эту сволочь. Он сядет в деревню и видел рожь, лежащую на земле. На нее падали росы. Показалось, что она плакает.

— И у нас на работе была сволочь, — говорит Иванов. — Она нарочно не смотрела за детьми и заставляла нервничать матерей. А ты знаешь, как можно обидеть мать, когда она не спокойна за ребенка.

— Конечно, — говорит Иванов. — Разве неывают сволочи. Я знаю одного, о котором хорошо отзывались. А в саду цветет ночь, цветут белые болоны, и расцвело белая сирень. Но ничего нет хранить.

А в саду цветет ночь. Недалеко от сада — друг. Иванов ее сирень. Только на поле сидевший шум трактора, положив на стекло кузинину в подъезд. Этот шум пристает сюда радостным спиритом, вспыхивающим глиняно, но еще поблескивающим темнотой.

Молодильный институт Иванов и девушка Доба проводят сладкий этого шума. Они были осыпаны белой сиренью. Озенки ее захлопнули.

Манекинец Иванов начал забывать все на свете кроме любви.

Было тепло, как бывает летом. Говорили шепотом, но смелись вслух. Иванов говорил что-то сердечное.

Рис. Г. Беренгоффа

Сирень

— Я не понимаю, — сказал он Добе, — почему ты удаляешься, ведь я говорю совершенно серьезно.

Доба хотела не удаляться, но не могла. Она засмеялась и ответила:

— Есмъ и удаляюсь, то ты не верь этому, я вскоре...

Но ветер дул не туда, куда следит, и собирались тучи.

— Будет дождь, — сказала Иванов.

И дождь пошел. — Ой! — вскрикнула Доба. — У меня полниет плате, смордит во рту, потягивается...

А Иванов был спокоен со своей костью.

Фигурка манекинщика рассчитана на любую погоду.

Но дождь ему не нравится.

— Этот дождь совсем не в месте, — сказала он. — Твоё плате полнист и не даст урожая не совсем посажено.

Он посмотрел вверх, на сирень и сказал:

— Дожди не к месту, — сказала она.

Потом не было слышно шепота и смеха, ничего не было видно под белой сиренью...

Доба сидела сирени и сидела ее в букет. Она даст Иванову маленькую ветку, как будто Иванов сам не может нарезать сирени. Они жмут друг другу руки и расходятся.

Иванов еще забытей домой. Он поспит. У него завтра большая работа. Ему нужно допросить озяну, которую сидит Доба. Он не будет заниматься сирени. Он ее допрашивать. Будет помнить и знать все на свете кроме любви.

Доба работает в детской консультации. У нее другие обязанности. Она идет вдоль высокой ржи. Она склоняет голову в букет сирени. Ей показалось, что смеется ребенок. Он вспрастит и будет такой же хороший, как манекинец Иванов.

...Все ее небольшие станции. Вот железнодорожный склад, вот детская консультация. Рассвев пыль, блеск, блеск, и стало светло, надолго, на целый день.

Возле железнодорожного склада ходят красноармейцы. Доба почувствовала, что она синя тем-то обзыва. Если бы он не стоял на посту, он бы ему подарила букет белой сирени. Ведь это от хранителей спокойствия ее сердца, сердца манекинщика Иванова и спокойствие сердц тех, которые с расцветом вышли в поле.

Малодоле П О З Т Ы

Александр Ойслендер

Павел Железнов

Евг. Абросимов

Рост

Как неизвестный красноармеец,
В трясину витязьский горячо,
Я тоже вырвалась из леса,
Хотя было поздно и скверно.
Хотя я смеялась, тоскуя жаждой,
Что где-то рядом поет струя,
Но ты ведь знаешь, ошибкой каждой
По горло в прошлом втигнул я.
И только пылаю головой
Я приదираюсь сквозь дыхоту,
Я, словно овцы, расту с травою
На ту пневматику, скоту.
Где землю гроза,
Как шторы,
Ты раздвигает, —
И я тот же инт

Такие
Вспыхивают просторы,
Что только жмуринки, чорт возьми!

Евг. Долматовский

Нервы

Среди ветровых просторов
Вымысел и сурьи
Размеренный санаторий
В белом халате снегов.
И ночью, разбуженный думой
(А все остальные лежат)
Сосед встает и угромо
Накидывает пледы.
Он ходит, стучу равномерно,
Ложится вновь на кровать.
Однажды разгулялись первы,
Совсем неожиданно силь.
И обрадованы о том, как
Над ним был нападен курок,
Когда он ходил с котомкой
В тылу генерала Штуро.

Не задав вопросов,
Глажку лишил во все глаза.
Он в зумбе берет папиросу
(А доктор сказал — нельзя).
И пропадает дремота,
Когда сквозь большие снега
Отбитые пулеметы
Направлены на врага.
Он говорит, как лягушка
Слонца

была вымечена путь,
Как плавал он, получая
Красное знамя на грудь.
Суровая и недовольная
В двери стучит сестра.
Она говорит: «Довольно,
Давно уже спать пора».
И мы на минуту замолчали
И дышали, как дети во сне.
Мы сквозь сон сквозь окна
Зевали в синий сонце.
И сквозь сквозь вихрь падающий
Его разматывалася кружев
Невинности настоящей
И храбрости и укуса.

Замедленен от мороза
(А солнце на соснах горят),
Мы будем утром в колхозе
С колхозниками говорить.
Спросят они про одеяц,
И знамя станет красней.
Он гладит темные морды
Горячих колхозных коней.
Потом мы придем к коровам,
Я в товарищ мой,
Мы будем дышать здоровьем,
Колючей, хвойной зимой.
И, разогревшись, как летом,
На лыжах домой побежим...
И доктор прости нам этот
Нарушенный начальный режим.

Ирина

— Ты же это, Ирина?
Бот дела! —
Ты стала черной, как
ирика!
— Я в трудкомбинат год жила,
Потом в соколове трактористской.
Сейчас — шофер грузовика.
— Ну, как работа, не легка?
— Повериши,
легче у руля,
Чем в салоне париквой.
Я научилась управлять
Собой, не только что машиной.
Порой пропускала бульваром
И вспомниши:
здесь была «стораром»,
И кажется все страшным сном...
Раз буди уборной, в Страстной,
Хожу, повинившая тоно: —
«Ах, рабарашка, рабарашка!» —
Как в салоне уборщики
Были рабарашки рабарашки
По барабанам перепелили.
И, загуляши барабан,
Ворвались в уши звуки горна.
То пионерская гурба —
Мими меня, мими убийц.
Нет, не гурбою, чорт возьми,
Рядами четко шаг с «Динамо»,
И ползком над лестницами
Таков же, как у наркосах, знами.
Гранатами, гранатами звонок.
Автобус, вздорную, стал покорно.
И за звонок
прощал звено

Под барабан и простот горнов.
А я... смотрела от уборной,
Не смыла ни брань «котов»,
Поднявшись скору на крамальце,
Но буйных трамваев и авто
Опять наступили.
Быть может помнят те мечты
И сладки юной поэтушки
Кресты стихиупущий монастырь
Да ставший погорелькой Пушкин.
Но им — лишенными замка —
Никак не расскажешь прохоркам,
Что за рулём грузовика
Дничина — не ее похожа.

Станции — мимо...
Деревни — мимо...
Мимо — склонов изумленных верст...
Что ты же север неутомимо
гонишь и гонишь,
чай паровоз?
Мицкис к перронам станций пустынных;
ставишь ты жажду свою утолять,
чтобы, от бега еще не остынув,
снова от юга меня удалять...
Ходят мелькающие световых квадратов
по потрескавшему ступом земле.
Позади — сироты.
Мимо кудато
молча пльет очарованный лес.
Все хотим!
И земли вертишь,
и буфера вибришь дрожь.
Птица летит —
хорова и птица!

Лес проплывает —
и лес хорощ!
Вот уже север.
Вот уже звонги.
Ночь неподвижна. День тороплива.
Еду я на север,
кинув на юг
море,

и небо

и корабли...

Что ты, родная?
Милая, полно!
Капельки моря в твоих глазах...
Видишь, —

Стихи о матери

Гору подниму и брошу морю на дно.
На снег подмышу — замкнучат протзанки.
Но быва и когда-то —
давно —

Очень и очень маленький.
Он был мало и не знал счастья.
Иногда был блаженным веселым.
Весь этот труя в явле нес,
Чтоб она ерзала и виляла.
А мама тогда молодой была,
Веселой была и все спешна,
И все моя сложны дела
Ей казались маленьными и смешными.
А теперь, когда прихому домой
С работы усталый и грубый,
Старая мама следит за мной.
И не ее чутко крепит тубы.
О сама должна говорить не люблю,
Да и она, о них не спросит.
«Раздевайся,

ящей налью»,
Скажет,
как камень

бронст.

Вечером с братом гуляет уйду,
«Скоро приду!»

(богдан Петрович).

К вечеру готовят еду
и moet посуду

после обеда.

С соседкой,

ропескайет

тихо и жарко.

«Женится...»

Разделяется!..

А и куда?

Или

или кухаркой?»

Гору подниму и брошу морю на дно.
На снег подмышу — замкнучат протзанки.

Но быва и когда-то —

давно —

Очень и очень маленьким.

Александр Шпирт

Скорый на север

бандист всю ночь, на полночь
дунув рельсы лежат пазы.

Видишь —
кошелек стоит на месте,
только земля угбегает испять...

Видишь —

в трубу вылетают созвездия
с искрами неба

имеет снять.

Там, в сугробами много снега,
в здании станции светят искы:

— синий
тиганический Гегель,
выспренний Кант
и неистовый Карад.

Там я с Петраркой стану томиться
и в пренсподней с Данте дрожать,
в тихой читальне

с Каютом рубиться, —
карадой шагают его порамата.

Там ком подымает пройд голосов...

Старый профессор прядет и поспорит
с вязодом новых упрямых голов.

Выходи оттуда, ребята, из вузя,
мимые спирстинки и друзья,

выйдем наспеху забытым Союзом,
бодрую помочь ему исса.

Так прорыгай же, станции, мимо!

Мимо,
столбом неступленных верт!

Длинай на север,
суетолист, непроволист,
непроволист

мой паровоз!

...Снег на склонах сделался рыхлым, и мы увязали в нем...

К. Паустовский

7.000 МЕТРОВ НАД ОКЕАНОМ

(Из путевого дневника)

В одном из кипшаков на золотистой реке Хармо мы узнали, что в районе горного лабиринта Гармо троим участникам нашей экспедиции открыта одна из величайших гор мира. Много позже я ознакомился с дневником участника этого горного похода в горы:

«Восхождение началось с утра. Днем под влиянием солнечных лучей снег на склонах сделался рыхлым, и мы увязали в нем по пояс.

Перед нами лежали три мощных ледопада, спускающиеся с близкайшего ледяного пика, куда мы шли, и грандиозный амфитеатр непривычных гор. Подъем стал очень кротк и утомителен. Начались фириевые поля, скрещившиеся до рези в газах.

Мы видели загадочный узел Гармо, надавливший в глухие пропасти черными стенами, перевал, похожий на кирзовское седло, и насчитали семь вершин, вздымающихся перед нами на высоту в 6 тыс. метров.

Усталое суживалось. Через два часа пути мы добрались до снежной крутой стены, подняться на нее было невозможно. Мы попали в один из горных лабиринтов.

У меня было такое впечатление, что мы находились в коридоре громадного вулкана.

Путь на пик с юга был закрыт. Надо было искать другие проходы, и мы спернули на восток, где нашли каменную перемычку между ледниками, и начали по ней подниматься.

На этой перемычке мы провели тревожную ночь. К рассвету я проснулся от гулкого гула и разбудил товарища. Мы думали, что где-то в горах сорвалась облака, и выплыли из пластики. Ночь была непрощаема от густых и холодных облаков, заполнивших ущелье. Гуа повторился, и мы почувствовали тяжелый толчок, едва не сваливший нас с ног. Толчок был один, но он отозвался в горах тысячей пущенных ударов, — то срывалась в ущелье громадные камни, и стреляла разящаяся с огромной силой снег.

Землетрясение! — крикнула один из нас.

Мы укрылись за скалой, чтобы спастись себя от осенних или лавин. Ночь, подобная черному дыму, уступала намашу тревогу. Но толчок больше не повторялся.

Утром мы продолжали восхождение. Вершина пика лежала в тумане. Через три часа пути мы добрались до первого очень крутым склоном языка, сползающего с пика, надели кошки. Ледорубы и веревки были в полной боевой готовности.

В «языке» мы сели, остановились и оглянулись назад. Я старый альпинист, но то, что я увидела, было просто невозможно и величественно, что я не могу забыть эту картины до сих пор.

Был сумманный день, какие бывают поздней осенью. Он лежал над черными громадами гор и ледниками и казался очень общим, неизмеримым и бесконечно тихим. Перед нами был лунный пейзаж, смятенный серым дымом.

Когда я оглянулась, бледное солнце прорвалось на дальние края и освещало мощные ребра черных гор. Некий блеск скривил ледники, и реальные призмы облаков загорались на вершинах, как бы освещенные очи отдаленным белым пожаром.

Я пришел в себя от крика, улавливавшего, как камень, в мое сознание. Я посмотрел вперед и увидел Михаила — он медленно сполз на меня вместе с пластом снега. Винцу дымилась пропасть глубиной в пять метров.

Я покрутила кипучим ледорубом в снег и прижалась к нему. Ноги Михаила удродились в мою голову. Он перестал сползать. Мы замерли.

Я сама лежала звон корон в своих удах и кайды первым одуцда малайшее движение снежного пласта, лежавшего подо мной. Пропасть дымилась туманом, и казалось, ждала нашего падения.

Тогда я впервые узнала, что рассказы стариков о предсмертных минутах недалеки от истины. Вся жизнь прошла в одно мгновение, как кипелена, пульсируя вспышками и яркими мигами.

Михаил осторожно потянул свой ледоруб в снег, подтянулся, крепко поставил ноги, и мы продолжили путь, ни слова не сказав друг другу о случившемся.

Мы шли по круговому под углом в пятьдесят градусов. Мы делали очень короткие шаги, ставили ноги боком и прочно издавливали их в снег.

Мы шли очень уверенно, — каждый, кому пришлося подниматься по снежным кручам, знает, что

подем несправно легко спуска, когда нужно смотреть все время вниз, в страшную пустоту про-
ластей, склоняющих седые.

К полудню мы прошли первый склонный язык и остановились на нагромождении скал.

Альбиметры показывали высоту в 5 тысяч метров. Впереди была новая, очень короткая снежная перекличка из нависших склонных обвалов.

Мы отдохнули, выпили немного коньяку и двинулись дальше. С кручи были видны внизу ма-
ленькие селевые. Впереди ледник выпирал из расщелин, огроханных с обеих сторон льда и страшным непролазным болотом спускался в тесинки. Подъем к леднику был невероятно труден, все время приходилось работать ледорубами.

Когда мы поднялись наконец на ледник, перед нами открылась исполнская ледниковая реза, застывшая высокими валами, разятая на части тысячами трещин и загроможденная обломками льда и скал. Три часа мы пробирались вверх по леднику и дошли до изнеможения. Висевшую над ледником седую голову горного пика мы увидели впереди огромный горный цирк, соединенный запрудой со всеми сто-
рон отвесными стеними снега и льда и покрытыми морозными облаками. За этими облаками лежала самая высокая точка пики.

Среди льдов мы нашли неизвестно как попавший туда громадный обломок скалы и ринули заночевать на нем.

Приближалась сумерек. Облака поднялись очень высоко, открылся небо, и мы увидели ледниковой пик, взмывающий перед нами, головокружительной громадой. Он был розовый от косого закатистого солнца, был такого же тона цвета, как и снег горного пика, у входа в который мы устроили ночлег.

Вечер был чист и неизвестночно прозрачен. Это обрадовало нас, хотя мы и страдали от жесткого холода. Вечер предвещал хорошую погоду на завтра.

Трудно передать впечатление от безветренной ночи, проведенной в недоступных горах. Горжественное молчание окружало нас, и голоса эхуяли и отчечивали, как под сводами старинного театра.

Утром мы выспались чаю; для этого пришлося разогреть голубой лед.

Синий амфитеатр встретил нас тихим ветром; туман рассеялся, и мы начали подъем по ледяному склону.

Сначала мы выбрали ледорубами ступеньки только для ног, потом стена передела почти в от-
вес, и пришлось выбирать нащемки и для рук.

Я часто взглядала вверх и видел высоко над головой морозные облака, склоняющиеся к гребеням хребта. Я often устала от разрывистого ветра и сидела и подъем. Руки у меня были изморожены льдом и оставляли кровавые следы. Должно быть поэтому я долго не понимала той опасности, которая ждала нас впереди. Значительно позже я изобразила, что

при подъеме на такую крутизну я могу увидеть гроба на хребте, только в том случае, если он вы-
дается между двумя карнизами. Гора льда висела над нашими головами, и я проклято помню слово Михаила, сказавшего священнику:

— Хорошо, что карнизы ледяные!

Мы упорно лезли к нему, оставляя за собой скользкие ледяные ступени, испачканные кровью. Я понимала, так же как и каждый из нас, что малейшее неуваженное движение грозит мне смертью, — такого напряжения силы и внимания, как при этом подъеме, я не испытывала никогда в жизни.

Мы дошли до карниза, и я подумала со стран-
ним безразличием, что вперед и вперед пути бол-
ьшого ледоруба в карнизе проходил было очен-
и рискованно, но я не хотела спешить любого из нас в пропасть. Мы не были связаны веревкой, — на чертески скользкой ледяной стени это было не только бесполезно, но и опасно, — один сорвавшийся мог потянуть за собой всех осталь-
ных. Держаться было не за что.

Мы были уверены, что, поднявшись на гребень, увидим те загадочные области Памира между узлом Гармо и пиком Ленина, о которых кроме легенд никто в мире ничего не знает. Я подняла ледоруб и начал врваться в лед, стараясь не смотреть вниз и ввернуться от крутих осколков льда.

Два часа мы вырубали узкий коридор в карнизе, потом прошли несколько шагов по гребню и остановились. Впереди была пропасть, а за ней в бесконечном пространстве высоте свирепая голубоголоватая глахтерница, вспыхнувшая чуть дымившейся редким снегом. Он поднимался почти на 8 тысяч метров над оконцом, и мы поняли, что нами открыта одна из величайших гор мира.

Мы стояли молча, тяжкая кровь билась в уст-
воле тела, тени облаков позывали внизу, по ущельям, и белое солнце оставалось над нами, как стеклян-
ный шар, покрытый инеем.

Мы испытывали глубокое волнение, его очень трудно передать на бумаге. Его можно определить как чувство величества величайших горных областей, только что открытых для земли, и чувства нашей вели-
кой воли, во имя которой мы совершили этот смер-
тельный опасный поход.

Мы сделали эмкую паузу и зарычали общий вид откомпанией наемки горной страны:

«Задание партии, задание Советской страны по исследованию загадочного горного узла Гармо за-
кончилося сотрудниками Памирской экспедиции. От-
крыта Памирская горная пик в СССР».

Мы торжественно приближались сумерки, и нам предстояла очень трудный спуск в снежный амфитеатр, откуда кабами густого пара уже подымалася к вершинам тумана.

БОРИС

Над потолком играют гаммы,
Октябрьский подъезд хмур и сер.
Но в дверь стучатся: телеграмма
И светлый маленький конверт.

От Бори. Едет ли? Скорее!
Пора. Он так нетороплив...
На сером бланке в пятнах клен
Слепой машинки крупный шрифт:

«Седмого умер Боря Мальцев.
Седмого...
Умер...
Нет... — рывок
И муту взволнованные пальцы
Листок в знакомой вязи строк:

«Сегодня в бой! Не беспокойся.
Проры браницы: басмачи.
Мобилизую комсомольцев.
Помочь охране — прочитать.
Большое дело! Жди успеха
И в отпуск.
Пятое.

Пока.

...Пока... — звучит ненужный эхо.
И скомкала письмо рука.
А поток прорвалася гаммой
И руки вьюгой черных искр.
С листка кричат, кричат упрямые
Родина поднимает: «твой Борис».

Ал. Коваленков

ГОРНЯЦКАЯ

Туман уходит в горы,
Жара пылит в зени,

Кремистая дорога
Под барабаном звенит.

Идут, идут шахтеры,
Шагают горники,

Упрыгие ударники —

Большевики!

В земле, в глухом границе
Заснула крепко медь.
Она нужна рабочим,
Она должна греметь!
Ее найдут шахтеры,
Разыщут горники,
Упрыгие ударники —

Большевики!

Они умеют драться,
Умехут побеждать
И солнечными здоровьем
Как поздухом дышать.
Плечистые шахтеры,
Крутые горники,
Упрыгие ударники —

Большевики!

Смотрят вперед без страха,
Зови других с собой,
Ударь, ударь с размахом
Тяжелым киркой!
Не подкачай, шахтеры,
Не выйдай, горники!
Упрыгие ударники —

Большевики!

Инженер-топограф Волков на леднике у пика Стадина

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ

Леонардо да-Винчи родился в 1452 году, умер в 1519 году.

Справка.

«Это эпоха, начинающаяся со второй половины XV столетия... Это была эпоха великого пророссийского переворота, превратившего до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и вторая породила титанов по силе мыслей, страсти и характеру, по многосторонности и учености...»

Ф. Энгельс. Стартовавшие к Диалектике природы.

«...Интерес — первое восстороженная любопытство — Герасимова (изальчика цеха шариков на московском заводе «Шарикоподшипники» им. М. Кагановича) и Леонардо да-Винчи так велики и организованы, что он даже своего сына назвал Леонардо...»

В. Ермилов. Рост прогрессивной интеллигентии и вопросы тематики. «Красная новь» № 8, 1953 г.

Леонардо да-Винчи

На рыбачьей площади Милана пестрый сброд моряка, колхозника или погремущего пасекию болото. На море, краине его, засыпанной рыбой: два отчаянно уродливых карпа настичено буравили толпу, сидевшую из нее выбираться. Их лица барабончатые, глаза — мертвые лягушки. За уродами, не теряя их из виду, мерно шагал великолепный человек в пурпурном плаще до колен. По неизмеримой горде, монументальной белокурые бороды, монументальным плащом он легко рассказал людские заботы. Его спутники ныряли в образованнейшие полыни, трепетно слушая за них.

Карлики застрияли в толпе. Величественный преследователь начал зачаровывать их искаженные лица в записной книжке, привинченной к поясу. Его спутник легонько дернул его за руки, сказал с робкой укоризной:

— Вот уж с часы мы проследим эти испадки, — сказал Леонардо. Зачем они только вам? Вы понимаете ради них работу над превысшими изображениями Мадонны?

Острий взгляд преследовал ту поступки. Пряча карандаш, он молвил с покорной склонкой:

— Ты прав, Дионизиано...

И они зашагали обратно, раздробляя толпу, — флорентийский мастер Леонардо да-Винчи и его ученик Дионизиано Бельтраффо...

Пухлый изящества в малюсинах штанах неумолимо бороздил, тяча пальцем в хитросплетение скелетов, альбастровых и панков:

— Белое мое изобретение, мессер Леонардо. Его светлость герцог Лодовико чрезвычайно занеселся им. Несомненно это плод небесного откровения, снизошедшего на меня. Этот величайший изобретатель, получив исходный толчок, может в быстрое вращение буде двинуться самостоительными бесконечными годами, дальше и сотни лет. Одновременно он может вынести полевую работу. Я предлагаю поставить такие двигатели на все сункувальные фабрики! Планы мои и к своему тщательному стилю, мессер Леонардо!

Леонардо да-Винчи еще раз обещал громоздкую машину, внимательно рассматривавшую ее. Потом сквозь с прерывистым обожжением:

— Слоснав химерам! Пустьтат, как и соники вахмистрами зомби! Безумное воинство, как и вера в черную магию! Возьми свою белодускую, щекастую болтушку, и уходи отсюда... И больше не славный болтушкой, и уходи отсюда... И больше не тревожь меня своим легкомысленным выдумкам...

Они стояли у коварного обрама, отвесно извивавшегося вниз.

Саллино пугливо покосился к своему учительцу, — Не боли Андрея, — нежно сказала Леонардо да-Винчи, — пространства не надо бояться. Наступит час, и человек поднимется в воздух, наполнив мир изумлением. Почему ему не достичнуть этого в своем разумении природы, если птицы летят...

— Вы имеете в виду, учитель, — недоверчиво спросил Саллино, — те шарники из восковой пленки,

которые вы наполняете нагретым воздухом и пускаете летать по комнате?

Леонардо отрицательно покачал головой.

— Нет, Андрея, — со вздохом сказала он, зарисовывая паренес креста в своей памятной книжке, — но здесь должен искать отважный человек путь в воздух. Зачем изыскивать другое начало, когда само крыло птицы летает? А я, старик, не буду подвергаться опасности в воздухе в самом родом и не буду летать. Возьму, движущийся над морем, надувает паруса и гонит тяжело груженные корабли. Из этих движательств ты можешь познать, что человек с большими крыльями, оказавшая сила на сопротивляющийся воздуху, победит его и, пожинав землю, поднимется вверх.

— А если крыло сломается? — в ужасе воскликнула Саллино.

— Тогда человек спокойно спустится вниз, привязанный к огромному квадратному куску холста, который, опираясь на воздух, бережно донесет его до земли. Поймай, Андрея, меня внизу героям. Мне предстоит обсудить с ним подробности торжеств... он готовится в честь прибывающего в землю, — он говорит их в часть призывающего в землю французского короля...

В мастерской певчую засучали лютни. Разноцветные кудри корчались на полу, образуя предвечное виселце. Говорили о крае гостей замыкаемой, неизолируемой изнутри, флеронтиансую красавицу — Мару Дионизиано и мастера Леонардо да-Винчи. Дорка кисть в левой руке, он вспомнил привезла ею в поисках. В правой был пальмовый, скрещиваясь, как павлинный хвост.

— Вы устали, мадонна? — чутко спросил художник.

Она сказала покорно:

— Вы пишете меня, мессер Леонардо, вот уже четыре года. Моя ульбака, которую вы жаждете запечатлеть, стала для меня привычной. Но вы все недовольны ею, все пишете ее новых оттенков, все ненужны смысла. Чего же вы пишете, динамичный мастер?

Леонардо ответил:

— Вот уже четыре года я ищу вашу ульбаку, мадонна. Я угощал надежду когда-либо закончить ваш портрет. Моя приятные гости своей остроумной беседой поддерзивали вашу лучезарную веселость. Но их смех, как и старания этих искусных музыкантов, этих умелых шутов, явно недостаточны. Четыре года я ищу вашу ульбаку, мадонна...

Географический чертеж его долгого пути непривлекал. Линия жизни Леонардо да-Винчи началась в 1452 г. по Флоренции. Сперва он, в возрасте четырех лет, устремился на север — в Милан. Затем опиралась здесь на два десятилетия, пока не возвращалась по Флоренции, чтобы начать метаться между обеими городами. За четверть века до смерти он покинул родину. Он побывал в Риме, Павии,

Болонье. В декабре 1515 г. Леонардо в последний раз мельком увидел Милан. Спустя месяц он впервые оторвался от итальянской земли и вступила на почву Франции.

Его встреча со смертью состоялась два года спустя, под Амбуазом, в замке Кау. Ему было 67 лет...

Тонким скользячелем Леонардо да-Винчи наскочил на шею и начал бережно откладывать ее от подложки кисточками. Перед ним, распластавшись, лежала труп.

Ученый Марко д'Олжоне и Джованни Бальтраффо — в молчаливом ужасе маячили в углу. Леонардо поклонился с уважением к умершему.

Художники, — сказал он, — прежде всего изучайте науки! Ведь человек — это модель мира. Иколо 30 трупов рассек я, стремясь исчислить силу и крепость мыши. Я рассек бы их стоя, не будь я стеснен временем.

За окном возникло утро. Леонардо крепким вскока вскрыл грудь и извлек флюгеровый мешок сердца.

— Вот оно, — сказал он восторженно, — этот могущественный из мускулов, разносищий кровь по всем телу. И я в людском движении — причина всей жизни.

Кропотливые движенища он начал препарировать сордце. Раада изящительный голос Марко:

— Все это замечательно, учителя, но пахнет трепетом дна за доставленные группы, иначе он грохнет дноносом в инвикицию. За такое дело, надо думать, съятые отды на головке не погадают...

— Пусть доносит, — брезгливо сказала Леонардо, — так или иначе я вынужден прекратить эти поэтические занятия. Пана крайне недоволен моими анатомическими исследованиями.

— Но это мнение, — сказал он, — оно противоречит воле бога. Что же, пане лучше известны преславные вкусы. Но ведь, чтобы понимать, надо знать!..

0 Большое водопадальное царство за ободом у миланского города Лодзико Софора. При дворный винцеритет Бельдинчиони прочел сочинение на тему неискааемой трапезы.

Герцог, очень доволивший, сделал замечание поэту:

— Ты забыл упомянуть, Бернардо, что самым утонченным блондом нашего пристрастия является обладатель достославного мессоре Леонардо. Нынче он изобразил новую машину — изготавливая белой оболочкой из трех молотов, и сегодня мы вищаем плющиеся изготворенные пустотым мозга. Впрочем сам автор кажется блескотом своей страницы?

Художник оторвался от созерцания прихотливых машин на скатерти. Он сказал с отвращением:

— Да, лорд, я не силю японскими миссами, доводявшись растительной пищей. Я не хочу стать календарем для тастрофических оставок мертвцов. Ведь здешнее животное — пример мировой жизни.

Герцог оттолкнулся со снисходительным смехом:

— Ну и куда же ты, миссер! Впрочем, тоже усердно заслуживает поощрения. Напомни мне об этом при наших расчетах. Думаки тоже имеют некоторое значение для мировой жизни. Правда, Бернардини...

Пот появился в поклоне, и этот поклон явился кра- споречием ответом...

0 Динадцатые сутки влажница торговый караван из Италии во Францию. Наступила вечер, на дороге пад молам, купцы устроили привал в поисках тенев. Плотно поев, они расселись у камни.

— Проклятый путь, — ворчливо сказал Яколо Бортолани, — конца ему не видно. На таком деле не только не заработкаешь, а прозлопаша дозволю душу.

Его компаньон, Антонио Рустиччи, поддержал его:

— То ли дело передвигаться по воде, путь убывает по крайней мере вдвое.

Андреа Гаврино с грохотом обрушил кулак на стол:

— Чего смотрят наши герое! — гневе волкодавы на — Когда я в последний раз был на ямарщине в Париже, мон уши распухли от толкотни о новых проектах Леонардо да-Винчи. Он предполагает соединить оропимон каналом Латру и Сону. Это значительно облегчало бы нашу торговлю с Францией, но говорят уже о том, что блогадори канала спугнули им эти прекрасные болота с их прничными птичками.

— Леонардо да-Винчи? — хмуро спросил Яколо. — Это тот самый изобретатель, который перешел на службу к французскому королю?

— А чью паук хризантемы королю Франции? — недовольно заметила Гаврино. — Такой же католик, как и мы, многоогрешные. Если он проведет канал, я поставлю ему дюжину слечей толщиной с мою ладонь.

Андреа озабоченно покачал головой.

— Пустят ли нас еще в свои канавы эти канавы французов! — с яростью пригрозил он, — а кроме того босые, несвободные люди, волки на Ломбардии прибрить в руках Тоскану!

— Нет, все же канавы... благах затек... — одолел Якопо, — аще принадлежит к Риму то-вари из порта Чезале в Чезале, и я на этом полу-лучил утешенный барыш, выгадав на гуже. Тот ка-нал тоже построил этот флорентийец Леонардо.

— Разумеется, он юродник и замышляет делам неугодными святым духу, — осторожно вверну Андреа, — но все же, признаюсь, он великий виду-чик и мастер. Когда в Панни встречали француз-ского короля Леонардо выстроил механического льва, который подошел к королю и великолепно поклонился ему, а из груди у него хламиши ду-шистые розы.

Яконо заметил философски:

— Кому что нужно... От тебя разят отгульными рассолом, а герцог предпочитает занять фильты.

— Герцог, герцог... — бранчаливо рявкнул Ан-дреа, — разве его ада не были такие же купон, как и мы. Он просто меньше стеснялся и однажды махом сдвинул с головы моих волос. Даст бог, мой зем-ской будут герцогом.

Ступайка лучше спать, герцогский прател-насмешенно молвили Альтоно Рустиччи, — когда ты станешь герцогским предком, ты сможешь спать до полудня. А сейчас нам нужно вставать на рас-свете...

Янейша мадонна, —тараторила герцогиня Беат-риче, обращаясь к своей гостью, — у меня есть сегодня чем похвастаться перед всеми. Сунути мой, синопор Леодовико, подарила мне мое скроенное се-рединой седанье для облегчения боли, наследуя, с изоби-лема библиотеки. Внутри сиденья скрыты золото и серебро, сплошь золото, а ее обивка из альбониных балдахи. Синопор Леодовико обещает, что состоящий у нас на службе мастер Леонардо да-Винчи устроит в этом седанье машину с музами, наподобие циркового орнажа. Но Леонардо все отказывается ссылаясь на свою крайнюю занятость. Извините видеть, он занят родственностью в монастырской трапезе. Он пишет там «Тайную вечерю». Возят ли в погребе вот уже несколо-ко лет, ас-ти и то, что предстоит впереди, для Иисуса... Себя... Весьма беспокоящая античность Сократ, учен двойник фримондов от полетов в небесах, говорит, что пар может приводить корабли в движение, что солнце исподняло, что можно ходить по воде и под водой, либо в воснах птиц, которые летают по комете. Всех его сумасбродство не перечесть...

И славянскому королю показалось... заняточно краж-ну герцог Леодовико, — его адмирал Христо-фор Колумб нашел кратчайший путь в Индию, на юг. Это дело суеты в будущем богатые бы-гими.

Леонардо да-Винчи задумчиво спросил:

— Вам не приходит в голову, что если Христо-фор Колумб открыл неизвестный путь в Индию, а помимо досел нам некоюкий материки...

Леодовико изумленно взглянул на него.

— Вечно ты, мессер, чудиши. Мало тебе нового пути в Индию, тебе подавай новые миры...

Потом он добавил изъясняюще:

— А вот великий чародей Леонардо ищет под у-себя в изобретях, а новый мир открыл без его участия.

— Так же святость... — четко сказал мастер, — нам вероятно известно, что ученого лет назад я написал Колумбу письмо с возможностью достичь Индию, плавя на западе. Колумб был тогда еще никому неведомым искателем приключений.

— А все-таки этот путь открыл я, а не ты, мо-гучий проиндио, — изменившимо проговорил Леодовико и деловито спросил:

— А где начертанный тобой план дома терп-ности? Я в восторге от этой мысли расплыва-ются в глазах, так чтобы предметы были избаг-аны от солнца и встремлялись друг с другом. Мне отстегнули жалобы на убийства и грабежи в этих вертепах. Не возмущены ли ты, мессер, по-скромни для честек?

Леонардо отвечал бессстрастно:

— С готовностью, синопор, если вы освободите меня от работы над акном святой девы.

— Нет, нет, — испугался герцог, — святая дева и первично очредь. А давы пусть подожнут, не та-ки уши они святые...

Мадонна оставалась нетронутой, хотя коалиции «спустила» почти у всех составлявших. Стрелы с влагой вошлились в теле, оно стало похожим на сквозь дикобраза.

— Так же, как и Леонардо... — с насмешкой сказала герцог, — можем братьям спрятать другую формой. Но в этом трудном занятии тебе не помогут бы все твои неисчислимые знания. Да уж, стре-лы по мишеням — это то, что смиряет kostоч-ки доказах костей и мышей и находить в них сою-

ство с человеческими kostями, которые всемогущий бог создал по подобию своему (да прости мне святой дух потерпение подобной бесстыдной ереси). А когда с поклоном висела вперед, сбросив пашни, твердой рукой взяла аук, вынула тетину, стерла запахи и обмыла министра, удалив за со-бой. Затем он взял подкову и разогнула ее.

— Попрошу простить, синопор, за этот весьма по-шилый способ доказывать крепость своих мышиц — ровно сказала она... — но если вам угодно, я готов сражаться с любым из ваших прославленных фехто-вальчиков и выбить у него рапиру в первой же схватке.

Подними подкову, герцог! Вагригута не трещиной у изгуби и в замешательстве покачал головой.

— Ну-ну, Леонардо... —примирительно промолчал он... — ты на все руки мастер. Не сердись, право и все же доволен тобой...

В оинственный герой Ломбардии, убийца безвин-ных тысяч, разбойника и колдуньи Франчич-ско Сфорца, отец нынешнего герцога, надменно вос-стал на коне. Конь Ортромия статуя была сделана из дерева. Это было самое лучшее подз ар-тюжества, это было блескнее прошествия. Перед ним очарованно толпились сотни горожан. Герцог Леонардо расстроило обличье Обелиндо, руки ему доставили лишь груди мастера.

— Благодарю тебя, великий воинебинь, — склони-нувшись, промолчал он... — твой подвиг будет достойно однин и на земле и на небесах. Что могу я отблагодарить тебя. Проси, проси, у меня ничего нет, в чем я бы тебе отказал.

Леонардо погладил вина на прижимающуюся к нему редкочную маскушку.

— Синопор... —исполнила сказа он... — быть может эта минута слишком возвышенна для моей низкой просьбы. Моя служанка Матрена утром сообщи-ла мне, что у нее открылась анорексия и она думает на-рваться на смерть. Я не могу расплатиться за рапира, которую я купил за 10 фильтров в замески изучить, когда он окончит ее шийней позиции.

— Деяниги, все десими... —исподнявши Ало-вико, — а-такой миг от дениг! Я только что успе-попретратиться на встречу германского императора, а сейчас мне опять приходится говорить о золоте. И кроме того, зачем тебе понадобился этот дурач-кий жираф, ума не приложу, зачем...

И вот наступает ночь. Отхлопотаны таинственный и светлый придворный день. Иссеканы ма-чайшие ноги, об梳理ывающиеся на исконочный мозг титана. Он сидит в полураке своей рабочей комнаты. Перед ним лежит больно листин. И он пишет, справа налево, широким, который можно разобрать только в зеркале, широким, который засекречи-вал его еретические суждения от егозависимого любопытства герцогской челяди. Он пишет:

— То же, что и вчера. Планы... планы... планы...

Он оглашается. Свеча гаснет. Ее лучи застрига-вают в доскатах приборах по физике, анатомии, механике, астрономии. Всесте стынут пружины, колеса, ручки, диски... —попытанные измениния его титанического мозга. Стол стоит большой подолзаный колодезь, стол стоит большая человеческая зарядышем в спирту, чучело прокодила, альми для ходяния по воде, модели огромных бомбард, многоствольных пушек, разрывных ядер. Висят несколько картины, прозрачные, далеко радиантные собой, своим простором, своим неизмеримой перспективной замы-кателью куб коматы.

И слова пишет Леонардо да-Винчи своей тонкой, мотивной рукой:

— Невидимой радости тела свет свет соцветия; наибольшую радость духа — есть свет искры; света скрытой ясности. Сияет... Альми... —запыхавшаяся отрада глаз; испыт математики... —засияющая страда ума... Сила всегда желает победить свою причину и, по-бедин, умереть. Удар... —Дракон, внуша... Си-ам, я обиди альми... —Прада... —Вес... Мудрость есть душа опыта. Опыт... —общая мату науки и искусства. Опыт никогда не обманывает, обманывает нас только испыт суджения, общая от опыта то, что ле-жит в его власти, опыт не виноват, виноваты наши попытки... —Сияет... —Бес... —Безумие... —Художник, си-ловое в единстве и красоте... Тогда он был жесток, бодр, самоцель, он тошил в крови и огне все вскрытые преграды, уверено глядя в свое зеркало. Он был тогда молодым, капиталистом...

Портрет Лукреции Кривелли — кисти Леонардо

скрывающий от его взора много еще неразоблачен-ных и неразгаданных тайн. Он неизменно знает, что тайны безупречны перед увротом и настой-чивым сплетом, и если не унесет он, их разгадают иные... Он очень одинок, он работает в бесстраст-ном исполнении трети сутки, утратив сон, голод, жажду. Он очень одинок, и он не понят — флорен-тийский титан Леонардо да-Винчи...

II

«Это гениальный человек, разно-сторонность его гениальна. Или тогда был такой уровень, что можно было всем заниматься?»

Начальник цеха щипчиков на «Ша-рионоподчиннике» А. Герасимов о Ле-онардо да-Винчи (*«Красная новь* № 8, 1933 г.).

То была эпоха могучих общественных перетасо-вон. Знамя власти с боями захватила новый класс. Он был молод —торговый капитализм... —победоносен, у него были алчные крепкие зубы. Он будил упорной истинностью, лесорушил супружеские битвы от убийца, кромса, грабля, грабля и разбойничал и целился в имущество садовников. Он отвергал супружеское измутное сод-никовое, которое за свою долю жизни научи-лось лицо все подавлять. Он жаждал новых языческих красок, новых ликиующих звуков, новых громогласных слов. Он возрождал обличание сбре-режения античного мира с его кулатой гибкого на-гого тела и отталого, ясного разума. Этот кад-иль был рожден из недр погибающих феодалов, который, каким пророком, то ли откровенником. Он широ-ко землю ширу в поисках неподавленных путей к погибающим религиям. Он смаковал плаутское на-слаждение здесь, на земле, насыщенной потагам-зиями на небо, где мракобесие скользнули сущаны сущим по блаженству, которое он находил в себе под ложем. Он жаждал ясно, что могло воспести, вос-сиявить, воззвлечь его право на бытие и победы. В своих коализах об языках он неумело неожи-тех, что мог украсить его молдавы или двери скривлен-ной ясности. Сияет... Альми... —запыхавшаяся отрада глаз; испыт математики... —засияющая страда ума... Сила всегда желает победить свою причину и, по-бедин, умереть. Удар... —Дракон, внуша... Си-ам, я обиди альми... —Прада... —Вес... Мудрость есть душа опыта. Опыт... —общая мату науки и искусства. Опыт никогда не обманывает, обманывает нас только испыт суджения, общая от опыта то, что ле-жит в его власти, опыт не виноват, виноваты наши попытки... —Сияет... —Бес... —Безумие... —Художник, си-ловое в единстве и красоте... Тогда он был жесток, бодр, самоцель, он тошил в крови и огне все вскрытые преграды, уверено глядя в свое зеркало. Он был тогда молодым, капиталистом...

Зигельс говорит так: «Леонардо да-Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны визуальными открытиями самые разнообразные отрасли физики». И это еще не все!

При перечислении всего, что он доисте, невольно вспоминается скромотия.

Он был, возможно, самым художником. При этом — не покоряющим работам науки, а художником — предсказчиком между ним и глазом человека.

Его искусство было базовым соединением науки, штурмующими в осмысливальности титанами природы. Оно остро отталкивалось своей расщедочностью от творчества других типов: мятежного «искусства в себе» Микеланджело, смаковавшего Тициана, приторной красноты Рафаэля.

Он была предтечей многих знаний и наук, открыл неисчислимое множество вещей догадок. И прежде всего ясно: быть может первым исследователем, он был и первым изобретателем, гладко и одновременно рассчитанным «сна». Он остро отталкивался от принципов, и первыми же высказал идею о применении именно видимых поверхностей для движения в воздухе. Здесь он дал форму в 400 лет человечеству, которое научилось летать по-настоящему лишь при рождении ХХ в. в лице храбрых американцев Райт.

И помимо этого он впротунто играл на арфел.

Таков он — и то не весь, — этот титан по сию часы, многогранности и учености, по неувядаемому определению Энгельса.

Его создала Италия XV в., где, как отметил Маркс, раньше всего развилось капиталистическое производство.

Он был незаконным сыном, самое существование его символически противоречило буржуазному замыслу жизни.

Маркс, разве этого не разыграло капиталистическое производство.

Он был зачинщиком, самое существование его символически противоречило буржуазному замыслу жизни.

Он восхищался опытом как отправной стадией естествознания, математическую формулу как заключительную. Он отчаянно сознал, что однажды опыта, одной индукции недостаточно. Опыт должен быть осмыслен разумением, проверен логикой.

«Природа полна бесконечных причин, коих никогда не было в опыте... Те, кто приспособляет к практике без знания, подобны мореплавателю без руля и компаса... Он никогда не знает, на何处 он стоит... Всегда приводит себя на хорошую теорию...» Он утверждал: «Ницкое человеческое исследование не может называться истиной запасом, если не прошло через математическое доказательство...» — и почти теми же словами повторил эту мысль 250 лет спустя величайший философ буржуазии Эммануила Канта.

Леонардо многим обогатил математику. Он пользовалась —уть же не первый — алгебраическими зна-

ками и — применял буквенное обозначение величин, предвидев невозможность квадратур круга. Он восхищался красотой как преда тела, либо как преда поверхности.

Он доказывал немыслимость вечного двигателя, этой замечательной мечты, терзавшей много столетий воображение человека. В этом он опередил на 350 лет Мейера и Гаммельца, окончательно доказавших невозможность вечного двигателя своим законом сохранения энергии.

Он преклонялся перед механикой. За все лето до Декартов он признается в механике идеала знания. Он

придумывает здесь динамометр, обобщает правила ритма, выходит залы для спортивного блока, для горных спасений. Еще одна из первых известных законов, открытых им 200 лет спустя бесследно утверждена свое имя Ньютона. Он изучает сопротивление твердым материалам, а все законы трения он устанавливает за 300 лет до Кулона.

Ему известны законы сообщающихся сосудов, здесь он является автором открытия, за которое наука читят Стивена и Паскаля. Задолго до Торнчала он становится родоначальником гидравлики.

Он постигает волнобросящее движение звука и света, последним он предсказывает Гейгensa. Он

определает отражение в зеркале как световое эхо, определяет явления, связанные с движением света.

Ученик Галилея в 1538 г. он находит закон звуков.

Задолго до Ампера он определяет значение воздуша для горения. Ему известны принципы магнитизма, а братия Монгольфье поднялись в воздухе лишь спустя 250 лет!

Как практик он — инженер, строитель, архитектор, гидротехник.

Он покоряет Италию, обширной сетью каналов, они сохранились и поньше, он проектирует соединительный канал Францию с Италией. Опронижен им луга Ломбардии, дают по посыпке зерна горы.

Он создает первые водоподъемные машины, первые паровые турбины, турбины. Он проектирует архитектурную планировку, столовые, пиццерию, кухни, пекарни, пивоварни, трактиры, таверны.

Он строит легкие мосты и подземные ходы, отходит реки, создает надобные орудия и взрывчатые бомбы. Он изобретает паровую пушку, спасательные пояса, машину для хождения по воде, вододавильный колесо, парашют, еще раз изобретенный Леонардо в 1783 г. Он изловченно проинструктирует драматическую мошу пары.

До Колумба он предсказывает, что солнце не движется по кругу, а это же математика...

Он замыкает основы палеонтологии и геологии. Он замыкает основы сравнительной анатомии, разрабатывает в эволюции краеобразования, является предтечей Гарвей, он открывает условные рефлексы, во всем голосе перекликаясь с академиком Павловым.

Но он был нужен своему классу, и его класс узаконил его, векс в себе на службу. Он был на смигном и даже наймитом герцогов, пап и королей.

Свое право на науку и на опыт он защищал стеною шаткового материального благоуполучия, и во имя этого права он бесстрастно давал буржуазии все, что она требовала, все, что мог дать его неисчислимый ум. Он был подданским будничем, интеллигентом, привыкшим к тому, что его покупают. Он строил дворцы для разбойника и убийцы герцога Сфорца, для саласита и изверга Цезаря Борджиа, для ублюдочных французских королей. С разрушившей изоражающей империи он переходил со службой на службу к тому, кто сегодня захватывала власть в его стране. Он устраивал для каждого отдельного владыки пищевые торжества и добросовестно вкладывал в них все сверхкание своей неистощимой изобретательности в своих неисчислимых знаниях. Он вооружал эти страны князьями для их изгнания из Европы.

Еще в ту пору буржуазия умудрялась ставить множественные вопросы перед разумом о том, могущество которого, чтобы она была в нем кровно занята.

Уже тогда обозначалась эта яркая черта капитализма — растворять производственные силы природы, а ведь Леонардо, нет сомнений, был одной из этих сил. Он мог давать величие изобретения, а капитализм — себе на мгненную потребу — заставлял его пропастить ему силы, обеспечивать благодать в домах терпимости, придумывать изысканные, чудесные по своей технологической вооруженности, пищевые торжества в честь очередного властелина.

Его заставляли быть искренним и честным тобой наедине с собой, наедине с тысячами испытанных мирами, представлявшихся загробными сокровищами выдумки, предвосхищений и мудрых догадок. Здесь он был в самых пытливых, условно вежливых отношениях с богом и его ведомством. Он вступал с богом в утиные борьбы стычки. Он стрелял в него рюшошком, отвергал бред с именами попов, царевичей, родственников, рода человека и животных, разгулявшимися в садах из самой разной профессиональной распутницы. Офицеры альянса, от которых он спасался как слы, который может помешать при спорах и размолвках с ней в ее научной необщительной работе.

Он не золил старой системы философии взглядов, он никогда вскоре и не занимался философией. Отгадывал ее откровения наезды святой воинии, наездила на него принадлежать друг к другу, ибо из них не спасаются. Но одной из странноти его книг имеется небольшая, совершенно побледневшая караульная строка: «Движение есть причина всякой жизни». И он брал жизни и вещи в их движении, являясь этическим диалектиком, ибо диалектика — истины метод, науки.

Он понимал, что без материи не может быть языка, и что языка не может быть без материи, и на пахучие чувства, что «он может быть голосом птицы, где нет движения и удара, не может быть удара там, где нет органа, а бесцелесный орган невозможен». Это были зачатки стихийного материализма, изомбленного в огромном учении, но каждым из определенных имиджей.

В своем отрицании обожествленной души он защищал на полулути между этой самой души и материей. «Чувства... — говорил он, — присносят душе все, а она им ничего». Это было шаг к души к матери. В этой гонительной пустыне он отказывается признавать душу за первооснову человека, самое ее существование он недвусмысленно берет под сомнение. Он неизменно оставался врагом научных социальных наук, математики, журналистики альянса, он был осторожным отрицателем альянса и альянтерочечта бора.

В другом месте он говорит: «Ты, о боже, прощаешь нам все блага за цену твоих». Как мало бога в этой задушевной беседе с самим богом! Тут ирония, тут идущий под ходом человека эпохи первоначального капиталистического накопления, когда все начало покупаться и продаваться, когда сам бог был переведен на хорасчет. Но мы находим здесь глубочайшую мысль, огромную по отгате для своей эпохи, о труде как создателе всей культуры и экономической первоосновы людского общества.

Христианский вздор с ясобщением миром со-существования человека существоует слова альянса, что «мы живем за счет смерти других». Разве здесь не скроются подобное зерно утверждений о борьбе за существование, о капиталистической конкуренции, об астребации одних во имя блага других?

Он исписал многие сотни страниц, они дошли нас не пастелью. На них — сияющий простор высочайших истин. Он засекречивал, и от внешнего мира, его заставлял работать в научном подполье. Когда ему было 32 года, в самую цветущую пору его жизни, папа Иннокентий VII подался в изгнание, предсказывал ведмы и колдуны. А отголосок церковного мракобесия, уз, стянутый сущим, не исчезал. Ему приходили в сон под колдуном, со спящими влагами, с диковинными слизями. И лишь в ХХ веке его зачинали на бумагу дальнобойные мысли были воспроизведены человечеству.

При жизни он был окружен безграничной требованиями склонности своих ходил и завистливыми поэзиями их члены. Его работодатели разменивали его величайший гений на свои мелчайшие прихоти. Их величайшие слуги ударили узримого чудака, корюдощущего альянса, бородового искателя химер.

Он имел многоя боязни и мало друзей. И он умер на чужбине, во Франции, в захудалом замке Клай, сочтенный своими соотечественниками за изменника, узлата, разочарованного и одинокого. И если его не забыли, то только потому, что его нельзя было забыть...

С того времени миновало четыре века в истории земли. Сейчас в боях знамя власти захватила новый класс, чтобы, не выпустив из рук, достичь его до бескрайних вершин. От прежнего, иного он наследует и берет все, что не прогнило и не истекло. В своем огромном сердце пролетариат усмиряет Леонардо на Франции, оставшегося одиночкой в дебрях своего класса, заслужив учеников и последователей, несущих в себе зерна изомбленной человеческой жизни, освобожденной от мутной свирепости вселенной мистики и смрадного чернокнижия...

1 Найтический — метод мышления, при котором из гряд отдельных фактов выводят общий закон, функцию, несущую в себе выводы частных.

2 Наука об испытаниях животных и растений.

...И трое усаживались за стол: Анна Капралова, Клавдия Табунова и Георгий Карпилов...

М. ГОЛЬДБЕРГ

ГРАЖДАНЕ СУДЬИ

Режиссатор, гладко причесанная женщина в черном сортирует на субботнике картошку. Сегодня она пришла в учреждение за час раньше. Нужно просмотреть дела, на которые нехватило времени вечера.

В народном суде еще тихо. Круглая лестница не истощена громкими полозьями, и на площадке, ложащаяся на деревянные ступеньки, не курят, не толпятся свидетели и заслышатели.

Клавдия Андреевна вытягивает толстую скопку дел, листает, останавливается, опять листает.

В деле Ментковых не все ясно. Кто такой убитый Лобачев? Одиссеевский? Селийский антикит? За что были высажены Ментковы? Кудаки? Кацков? Человек этого тупого убийства... — пылено сомнению! Любчанин методически разбирает через камин — грабеж, месть? И какая месть?

Она берет скопку, останавливает ее на мельхиорах пыли. Собирая скопку, отрывая Ментковых из лавки. Нет, надо отложить дело! Если это не последняя скопка для распутывания этой трагедии дела в народном суде слушаться не может. На такие преступления пролетарское государство отвечает расстрелом. А народа больше десяти нет даже не может.

Клавдия Андреевна перешептывается отодвигает папку. Уично ли не отгадывать! Так что предстоит заниматься делом. Сколько ни напрягайся, все равно не тяжется за твой хвост неясных вопросов, обрывочных показаний, разрозненных документов.

Вчера еще скамья факультета сопирала, дышала, лежала Кривенко, а сейчас лицом к лицу, лоб в лоб огромная жизнью, разорванной боях. В этой жизни действуют законы, о которых она читала в книгах. И надо же найти! Надо ли выспыщивать из темных слов убийцы, из хвастовства азартурика, из бормотания уголовника.

Чловеческие обязаны: преступления, драки, несправедливости густы потоками идут к столам юридической консультирования. Этого происходят сортировка. Что может разрешить РКИ, инспекция труда, товарищеский суд, не должно замедляться народный суд. От этих замысловатых споров, в которых робко присаживаются широкоплечие сезонники или решительно подходит жена рабочего с «Сервис», тянутся десятки иней в райсовет, районный, окружной, жакты и РКК.

Комиссариат Луднова уволили с хлебозавода за то что он привел в брак свою жену. «Допуск» приводил юрисдикции, посторонней для администрации, как изъясняется районный инспектор труда.

Беззаконие, бездушие отношение к человеку — хвалебничает случайный консультант и направляет Луднова в городской суд.

Гражданска Тимошенко не желает жить с мужем — он пьянин и хулиган. Он изнасилует и се и деть. Ей надолго. Пусть его вынесут или дадут ей отменную пытку.

Комиссариат возбуждает Тимошеной составить заявление в суд. Здесь упоминается популярный

штраф «Д» (статья 171-а Гражданского кодекса — о незаконности совместного проживания Соловко-жениши с Курской канавой, с Чугуновой, вынесение за годы передовиков испеднение в культурном росте мужчины), проходит по этому делу в суд!

Жужжит комната голосами истцов, кто-то всхлипывает, кто-то бранится и скомкануто спускает голову перед громким предупреждением:

— Граждане, ведите себя культурно, иначе будете уделены.

За день числились десятки заявлений. Обросшие скамьями, протоколами следствия, копиями повесток они попадают под внимательный пронцур убежевателя, гладко причесанной женщиной.

В 10 часов утра судьи, захватившие папки, выходят в лебяжью судьи, захватившие папки, выходят из зала, скамьи со скликами. Деревянные столбы подпортивают пальцы. Пальцы, склонившись к столбам и бесечно развязавшиеся со скликами, официальные и сенсельские уже доносятся оттуда. Неновечный старичок, тяжкий звонок жестяных дверей, уже занял свое место у окона, поставил палку между топки, сухие ноги и полюзни на них жалеют руки. Примиря и бойзас, ухватившие в плахот, женщины с двухлетним ребенком на руках, которую поставили на двери судебных заседаний.

Судья занимает место за покрытым красной матерью столом. Слева от нее — сидящий Георгий Петрович Карпилов, которого не в первый раз называют судьей-заседателем железнодорожников спасения Мечникова Таганки. Справа — одетая в кипчуковую строгую и направляемую Анна Аристоконина Капралова, комсомолка, работница хлебозавода — только два месяца назад общее собрание доверило ей этот ответственный пост.

Сегодня им предстоит судить хулиганов.

Но это ребята, оживленные, брызгающие в гластуки и письменные столы, скамьи, в которых скамьи никак не сминают на мрачных громах. Не верится, что они сшибаются лицом друг друга кулачками в грязь и пылью ножом в спину.

Первым допрашивается обвиняемый Капралов.

Он был очень прост. Он возвращается с работы вместе с Челюскиным. Воротах стояли кашне — неизвестные. Расплювали песни. Он, как председатель жакта, предложил им разойтись. Тогда Рязанов нанес ему удар.

— Куда он вас ударила?

— Куда? — Капралов мгновенно. — Ну, ударила, разве я помню?

— Вы ведь почувствовали боль, — спокойно говорит судья, — так же мы было больно?

Капралов здравствует.

— Ну, если я сейчас опишу, то обличаешь почему-то в публике. — Рязанов смеется и уходит. Потом дает показания Рязанов. Это совсем юный, с белым пухом на розовых щеках парень. Работает на часовом заводе. Окончил ФЗУ.

Его рассказ так же несклонен, как и повествование Капралова. Он возвращается из кинотеатра с работами Песни песни. Капралов предложил прекратить пение. Они продолжали свое. Тогда Капралов выронил его папку в спички.

— Не пожал, а виной, — — проповедует Капралов, — У меня же там папка: с одной стороны — лезвие, с другой — винт.

Рязанов сообщает внешне неизлечимый факт, за который цепко ухватывается судья. Оказывается, у ребят с их юными были свой клуб в пустом доме однотипа высокого. Там они сражались в шашки и шахматы. Зимой хотели устроить каток, чтобы играть в ложки.

— Бессовестен ты с этой молодежью? — спрашивает Капралов Андреевну.

Это спрашивает коммунист коммуниста.

— Нет... А чего с ними разговаривать?

— Ну, мы ведь коммунисты. Разве вас не интересует, как воспитывают молодежь?

— Ну, интересует... Ну, что с того... Разве с ними слачай?

— А товарищеский суд жакта принимал участие в борьбе с хулиганством?

Этот вопрос Капралов никак не ожидал. И чего еще нужно этой лоточнице бабенке? Он неодобрительно осматривает Клавдию Андреевну.

А та выслушивает сидящего, подтверждающих ее догадку, что Капралев — плохой коммунист, глупый человек, никем не общественный, делает глупый вывод: нужно уметь подойти к молодежи, культурно организовать досуг, — тогда сгинет и эта хулиганская беспечность.

Есть дела, при решении которых народный суд беспощаден.

«По закону 7/VIII 1933 г. — так отмечается эти дела в списках, которые ежедневно вывешиваются на дверях залов заседаний.

...Тогда особенно плотная тишина в маленькой зале.

Тогда особенно напряжен голос судьи:

— Вы говорили, что считаешь алиной? Вам не вину?

Это ваша подпись?

Недавно судили за расхищение спирта из больницы. Дали по 10 лет. Вчера вынесли суровый приговор познанию мяса за то, что не сдал на склад 20 кг мяса. Задача — слушать дело о перепродаже агентами ядов промышленных.

Клавдия Андреевна и Георгий Петрович не только защищали испытанные в ветрах государства, но и вооружены знанием советских законов. Но комсомолка Капралова негово знает даже закон от 7 августа. И если что можно поставить в узду Клавдии Андреевне, это так что, что она до сих пор не помогла Капраловой.

Она должна это сделать, чтобы еще лучше работать народный суд — орган пролетарской диктатуры.

...Ее зовут Клавдия Андреевна Табунова.

Всю лето своей жизни она провела в рядах ленинского комсомола...

В маленьком зале полно...

„ТЕАТР РАДОСТНОЙ МОЛОДОСТИ“

1. Раз! Да! Хоп!

Эй, ребята! Дайте-ка я что-нибудь сотворю.
— Стой! Погоди. Всё ведь еще ни разу не
пробовал.

— Не так. Переместись.

— Ура! Вышло.

Входит человек в шляпе. Потом шляпа вместе с пальто лежат в углу. Потом... Потом десять слесарей, токарей и фрезеровщики бегут по кругу...

— Раз! Да! Раз! Да! Раз! Да! Раз! Да!

Затем десять слесарей, токарей и фрезеровщики делают движения, совсем не предусмотренные производством. Они опишают тумазущим круги, они плавно приподняты, чтобы пружинами ног выброшено тело вверх, они делают стремительные выпады фехтовальщиками и боксерами.

Нужно научиться заходить своим телом. Движения и жесты должны быть предельно выразительными.

— Раз! Да! Прямо!

Недалеко откуда-то сквозь свое тело, как мешок, свыше приложил движение.

— Раз, да!

...Вторая группа Трамва электриков занимается бионехастиком.

2. Романтизм нет! Закуски тоже...

Машин шумят деловито и солидно. Ровный, спокойный гул. Но они все-таки мешают. У немецкой коммунистки слышим тихий голос. Полемизировавшие перегибаются через стол, чтобы уединиться.

— Ну, что же, покончим, покончим! Деловой любовник, засунув руки в карманы, смотрит на девушку. Скажите, что вам от меня нужно не нужно кроме мелочей спарроочки... Потом самройнейте, стукните кулаком по столу, вытащите револьвер...

И поклонник действительно не выдерживает. Он стучит по столу, он орет, он ходит в ярости по комнате. Но его ярость слишком подавлена, его жесты превращены в страшные. Действительно, поклонники труда, профессии, любви и т. д. «имеют» 20-21. Роль поклонника — это единственная напряженность.

Машин шумят деловито и солидно. И хотя дверь яркого уголка заскрипела нахморо, розовый гул машины проникает в зрительный зал. Рабочие вечерней смены слышат дружный смех, иснающий из зала... Трамвоям дали спектакль в одном из цехов Электрозводства. После отрывки из пьесы Винштейна «На Западе бой» идет «Свадьба» М. Зощенко. И кто бы узнал в этом старом, по лицам грибо Ваню Амандрову, комсомольца и слесаря...

— Романтизм нет! Закуски тоже... бородка у меня не хватает, скрещуши головами. Раньше мне четырех было мало. Раньше жених у меня в ногах валился. В пыли!

Он ходит со склонутыми ногами, волоча длинные пыльные руки. Его душит пыльная горечь.

— Ну, уж эти вы санитар, папаша!

Женщины — «фасонные» парень. Широкие брюки, кущий пиджак, роза. Лицо пахощивое барана, «гладильщик», тащущие движения. Жаждали движенья, макнулись гитара, растерзено испортило яичница...

Измазанные волческими помоинами пылью и сороми юношеский язык, трамвоям создали спаситель масок, «сивных риах» мещанства. И он бист в цель, вызывая несмысливший смех аудитории.

Спектакль окончен... Нужно торопиться... Согласившихся актеров заиграли жутки стражи. Прожевывая наизусть бутерброды, которыми угощают их цех, разбата пробегают гулкую пустоту двора. Где разбата гремят макаронный маршем. Честное слово, заседало жить! Несколько человек задерживаются у выхода.

Нених перепутал новост (эпизод из „Свадьбы“ Зощенко в Трамве электриков)

— Смотрите! Петрову наложили Васильева бригада впереди...

Массивные башни электрозводских ворот остаются позади. В пустом трамвае кондуктор подсчитывает дневную выручку. Кто-то из ребят, склонившись за ремни, подтапливается на руках. Но даже уставший за день кондуктор понимает, что это не хулиганство. Это так, от избытка энергии.

3. Юбилей, „Лучезарники“, „Трамплины“

На парковом пикнике бархата луны. В парке происходили странные вещи. Помахавшая тросточкой, в неназываемом своем котелке проквакала Чарльз Чаплин. Голубогрудый Пат с умными усами ведя под руку своего короткого друга. Какой-то из испанских граней важно прогуливается мимо, от презрительного взгляда. Вокруг него пристально вглядятся и бесконтрольно потирают своим шутовским колпаком. Четыре угрюмых птенчиков во фраках и касках, запачканных кровью, пасся пустынной пасхальной птицей.

Все эти странные вещи происходили весной 1933 г. в Чехословакском парке. Но если бы старик сторона не знал, что на эту ночь парк отдан в распоряжение трамвоям, он наверное струхнул бы от поражения. А там все обясняется очень просто. Трамвайщики спрашивали гостиницу своего существования. Каждый из трамвоям мог пронести в любое время. Одним из образов был спрятан сквозь своего востока вспышением, посыпанным золой трамвайского коллектива за истекшее время. Если верить отчету «собственного корреспондента» газеты «Граммапия» (органа трамвайского коллектива), любили прошагать хорошо: «Куда ни пойдешь, вас встречают смехом.

Ночь залила смехом! Да здравствует смех!»

Намыльенный уличный трамвай, на котором не было водителя, «квартет Скаллы-Фосского» (четыре мрачных человека во фраках с носилками) и четвертого акта — профсоюзной сюжетной пьесы «Ножи». События говорят, в каталепсии пресмыкаются «Ножи», которая входит в репертуар Трамва всего три действа. Но к побору трамвайщики сочинили свой четвертый акт, где профсоюзная сюжетная пьеса пресмыкается героями.

У трамвоям были все основания, повеселиться на своем необычном юбилее. Ему предшествовала долгая и трудная борьба молодого коллектива за право жить. Они становились водородами, на квартирах. Их сборными пунктами на заводе стала

Монтируют макет оформления пьесы „Путь“ Марка Колосова

от друга. Тема выступлений — трамсовая жизнь. Формами разнообразия: скетчи, пародии в танцах, театральные парады, акробатические номера и т. д.

Есть такая пополненная игра — «флаги цветов». Раньше она была очень популярна на ветерах всесоюзного мещанства.

Аненков Всю мне очень нравится.

Гозяника Отчего вам так задумчивы?

Однажды на один из «дугеарников» только что поступившая в Трам девушка привнесла эту игру. К большому смущению девушек, игра была вымысел и забракована. Вазен с родилась новая — «бей острога».

«Однажды сидел гражданин на деревне и долго моргал, когда я сообщила ему, что мы строим образцовый Трам. Он попросил расшифровать ему этот термин. Я расшифровала.

Трам — это театр радостной молодости.

— Танец — рассказ — музыка.

— Техника — разум — мускулы.

— Таран, разный — мещанство.

— Геройский рабочий мировоззрение.

— Танец — рабочих мастеров.

Это — видение и стягатель — «Граниты». В стягатель колосситет также проявляет свою творческую индивидуальность. Глядя, читается сначала до юноши без малейшей скрины. Серебряная сталь об искусстве на Западе и единой энтузиазма на ребят, специальный дискуссионный листок по вопросам искусства и философии, разбор постановки и басни на трамсовские темы, статьи о выставке «Художники за 15 лет», конкурс на песню и «марш трамтранса» и неиссякаемый талант.

«Ахомов»:

На одном из ближайших «учегарников» выступил дядя Бородин «производитель жизни». В драмы участников: 1) Концертная Сатирика, Эпиграмма, 2) Абраамиди Пародия-Народный, 3) Генерал (Финикс-Пуп), 4) Ананьев Протоплемазов.

4. В чем же секрет?

У дяди Васи скучающее лицо, спокойные серые глаза и маленький значок трамовицы. У него, собственно говоря, есть и фамилия — Никуличев — и отчество, но все ребята зовут его просто для Васи.

Дядя Вася — художественный и политический руководитель Трама. У него всегда есть много интересных предложений к комсомолу. Он сумел винуть ребятам большую любовь к искусству, к театру, к Траму. В самые трудные минуты жизни колосситета дядя Вася сумел удержать вокруг себя ребят, заинтриговать их своим воодушевлением. Дружной творческой атмосферой в коллективе, ре- быта во многом обязаны Траму Никуличеву.

О кошке обычно у нас вспоминают, когда упоминают надзирателя какаш-инбу — кампанию. Тогда сметает с руками, у ног уст магическая сплюшка «об- саживает» виновного в бешеное и беспомощное фуршетное кружево.

В Траме электриков учеба идет систематически. Все трамовцы работают 8 часов на производстве, и тем не менее почти каждый день они в кол- лективе. Занятия по биомеханике, технике речи, музыкальной грамоте, притму. Проводятся репе- тиции, беседы с видными постановщиками, о путях развития тела или иного театра. Одним из про- явлений таланта Радова, другой — изучение древ- негреческой и античной литературы, физики, астро- номии. Может быть, здесь в начальстве сподоблены граней между трудом физических и умственных.

В репертуаре Трама сейчас «Ножи» Катаева, «На Западе был Вишневский» (сторожки) и «Садко» Зощенко. Сейчас Трам работает над «Плещеем Коломенским», «Фантазией» Козьмы Пруткова и собирает материалы для большого «электропекарства». Режиссер Трама Капала и Плауч — работники театра Мельхорадова, и влияние мельхорадовской школы чувствуется во работе театра Трама. Он уверен, что Трам — это будущий театр, интереснейший макет. Спектакли идут в корочном, быстром темпе. Но все это не должно вводить на театр сцену в центральные проблемы театра — культуру слова, и над этим им нужно особенно поработать.

Еще рано говорить о каких-то своих путях Трама электриков, о своем стиле работ. Трамовский коллектив еще очень молод и только начинает определяться. Но у ребят огромное желание учиться, расти, завоевывать культуру театра. Это здоровый, веселый молодежный коллектива, с быстрым темпом становления своего театра, и комсомол должен помочь его росту.

5. Примечание

Старый музыканческий лектор, проф. Протопопов оставил попытку к трамовцам. С тех пор это часто можно видеть на их спектаклях. Он приходит своей старинкой, откладывая походкой и уединяясь впереди. Он видит радостную молодость класса, строящую свою культуру.

М. Бригадов

КОМИССАРЫ ЗДОРОВЬЯ

Почтенный, седой человек идет по улице. Он поклоняется в свои мысли. Толчок! Не поднял глаза, он извиняется на ходу:

— Простите, мадам.

Но это всего наставного тумба. Обыкновенная уличная тумба для афиши. Почтенный человек идет дальше. Он занят своим мыслиами. Снова толчок!

— Опять эта проклятая тумба... раздраженно роптает он.

Тут раздается возмущенный вопль. Это уже не тумба, это дама!

Это дубовый дерево-лоционный андроид. Но сю стоит вспомнить. Почтенный человек был конечно учеником. Рассеянность — это основное качество ученика! Он может одеть кастрою вместо шапки, засунуть в карманы наволочки вместо платка, опустить в кипящую воду чайки и смотреть на яйца. Ученый — он конечно стар чудаковат. Он вне конкретной профессиональной деятельности. Он вне традиций, а значит и вне практической деятельности.

«Формулам, рабочими, анализам, пылью архивов...»

Он почти король в высоком храме науки. Альбиносы, бороды, мордочки, одиночество, страсть, смерть...

Мы все убедились, что в нашей, новой, советской истории одна из самых интересных страниц будет написана нашими молодыми учениками, в которой наши руководители медицины, старые ученики, увидят отражение своего большого труда — так сказал Т. Владимирский, открывая вечер молодых учеников медиков.

В зале сидели профессора, доценты, работники научно-исследовательских комиссий здоровья Советского союза, новое поколение учеников, вышедшие из больниц. В среднем большинство из них по 30—32 года.

Их замаха суровый ветер гражданской войны. Мальчишки они были уже на троне. Юдинич, Брантес, Деникин... Годы, смычки, вещи... С зимой в руках прошли они эти трудные годы революции. Потом, когда ремень выножки перестал давить их плечи, они пришли учиться. И университетские стены вместо форменных студенческих туалетов увидели старые диваны, потрепанные в архивах.

Сейчас преподаватели науки встретили их враждебно. И даже простые штейнцы презрительно удалялись, когда проходили они по столовым университетских лестниц, громя тяжелыми коваными самогонами. Но они были уверены и настойчивы — это грубоватое пламя побудителей.

И вот... Цифра «16» горит на фронтонах дома учеников. За полон...

Моя работа, как и работа подававшего болезненности исследователя нашего Союза, осмысляна и наполнена жаркими движением наших великих дней и великих задач, стоящих перед нами. Мы работаем в условиях, когда общественные и народные заставки и властям приходится приурочить эти видные дела. Это сказал сын Башкирии, бывший баскетболист и воспитник детдома, руководитель одной из салоночекинских дисциплин, профессор генетики Дубинин. И как-то трудно поверить, что этот вот 26-летний юноша имел уже 50 научных работ, им написаны 80 популяр-

ных статей и брошюр и в 1933 г. он получила Роговедовскую премию.

Багдасаров в 1918 г. был 20 лет. С этого года он член партии. У него 20 научных работ. Институт переваления крови, которым руководят Багдасаров, разрешил ряд интереснейших проблем: Консервация крови — вялость крови может быть сохранена и годы при перевалывании через 15 дней.

Архив — искусственное сердце — аппарат, поддерживающий искусственное кровообращение.

Король умершего может быть использован в медицинских целях.

«В вопросах высокой микробиологии я стремлюсь всегда ставить перед собой задачи, которые имеют практическое значение с точки зрения социалистического строительства, не отрывая обще-теоретическую постановку вопроса от той повседневной практики, которая требует от нас определенных решений. Я работаю пять лет в Красной армии, и всю работу свою и товарищей я пропустил под определенным тезисом — что для института и каждой сотруднице это Красной армии в смысле удовлетворения ее мечты».

Сын текстильщика Великанова в 1918 г. не имел аттестата средней школы, по декрету Совнаркома был принят на медфак. Сейчас он профессор-микробиолог.

«Франция выпустила книгу своих раненых — такое мнение одного французского генерала. В империалистическую войну Франция послала в армию 70 групп своих раненых. Россия — 15 — 20 групп. От «стальной гвардии» (автомобиля от) и империалистическую войну погибли людей не меньше, чем от пули и снарядов. Ее вызывают микробы, находящиеся в земле и заражающие раненых. К концу войны в Европе было изобретено сыворотка против этой страшной болезни. Мы не имели ее до 1929 г., когда появилась сыворотка Великанова. Им же открыта сыворотка против отравления пищи, превосходящая по качеству заграждения».

Доброхот Т. Ющенко, командр воинов ЧК Т. Ющенко — сейчас высокий директор института экспериментальной медицины. Он изобрел микроскоп-инду, который позволяет изучать изолят и отдельные органы человека (скелет, печень, почки, пораженные раком) безэмптической ножки киругра.

Мы видим, как в различные страны страну. На требуют молодые люди. Говорят о биохимии, нервопатологии, микробиологии, генетике, действии ультрафиолетовых радиоактивных. Несмотря на разносторонность терминов, было ясно, что все говорят об одном — о 16-годовице Октября и о том замечательной оценки необходимости своей работы, когда за ней следят страхи миллиардов напряженных, внимательных глаз.

МАЛЕНЬКИЕ ДИНАМОВЦЫ

ДИНАМОВЕЦ № 5

ФИЗИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЦС «ДИНАМО» И «СМЕНЫ»

Летом этого года пролетарское спортивное общество «Динамо» праздновало свое десятилетие.

В ЦЧО юбилей отпраздновали областной спартакиадой. Она была необычна — в ней принимали участие только ребята. Каждый детский коллектив состоял из восемь человек от 10 до 13 лет: четыре мальчика и четырех девочек.

Со всех районов съехались ребята из Воронежа.

Итоги оказались блестящими. Все нормы превысили. Ребята показали высокий класс тренировки, исключительную настойчивость.

Растет смена крепкая, здоровая, настыльная.

И это — одна из заслуг «Динамо».

По сигналу надо быстро снять противогаз, аккуратно сложить его, поднять с земли санитарную сумку. Все это надо сделать быстрее стоящего рядом «артиля».

Сумка — бинт. Впереди на расстоянии 250 метров — «раменый» тающий. Надо доставить ему бинт.

Считай да! Миг — противогазы в сумках, и «враги» стрелой лежат впереди. Им надо пробегать всего 60 метров. Впереди — смена, второй этап. Но на этих 60 метрах препятствие — горка.

Смена — ребята второго этапа — принимают сумку с бинтом лежа. Быстро вскакивают и бегут дальше — на 50 метров. Препятствие Десятиметровый коридор. Низкий. Разбега — «враги» пропускают его на животах.

Следующий этап. Ещё 50 метров. На пути — трехметровое бревно. По нему надо пробегать. Ровно бегут. Но вот одна потеряла равновесие и слетела вниз. Надо лесть снова. А вторая пропала хорошо и вырвалась вперед. Скорей, скорей догонят!

А та уже передает сумку мальчишкам. Они бы пробегали свои 40 метров быстрее всех, да посередине надо остановиться и попасть мячом в мишени.

Первый мяч — мимо мишени. Второй — мимо! Хватает третий мяч — бац! Побежала дальне. Но рядом уже идет «враг», он показал и мишень сразу.

Последний этап — 40 метров — бегут девочки. Посредине барьер, значит проездок.

А вот и раненый. Надо перевязать ему ногу. Молькают руки, разматывают повязку.

Спасибо! Готово!

Победительница выпрямляется.

Побежденные смущенно отходят.

Пять мячей надо бросить правой рукой, пять мячей — левой. Чем больше мячей в настройке, тем лучше: тем меньше очков проставят. У кого будет прошлющено меньше всего очков, тот победитель.

Бросать мяч надо спокойно, а то он пойдет, как у этого мальчугана. мимо цели, в сетку. Досадно!

Раз-два-три-четыре!

Раз-два-три-четыре!

Раз! — руки в стороны. Два-три-четыре, выдергива.

Раз! — поворот налево, руки вперед. Два-три-четыре, выдергива.

Но это не так просто делать, как кажется, потому что спортсменам только же лет, сколько и «Динамо». А инструктор замечает, кто работает нечестно, и прибавляет за это очки. Чем больше очков, тем хуже.

Паренек, налево впереди наверно получит много очков: руки подняты плохо и стоят на расставленных ногах. Надо держать пятки вместе.

Три метра надо пройти по бумаге. Это бы еще ничего, просто пройти. А на попробуйте-ка перешагнуть через мяч. Бум пружинит, того глади чисто виня и осрамишься, а тут еще мяч.

Но ничего! Вот уже нога занесена и...

Упадет он или не упадет?..

Большой мяч пионер-бала стучит тупо. Высоко забрасывают его крепкие загорелые руки. Каждому хочется посильнее ударить мяч: а он, как звезды на небе, убегает.

А в стойке ребята стоят не потому, что им играть не хочется. Только заслонить узлы, противники сейчас же в пустой уголок плодовитки мяч забросят.

И очень залетят.

Жарко и очень весело.

ДИНАМОВСКАЯ ХРОНИКА

Архангельск — В результате конкурса на лучшую спорту и букировку бревен, организованного по инициативе бригады архангельского «Динамо», в Бобровской Запади поставлен рекорд по созданию букира, 7,333 кубометра древесины сплошно в 10 дней. Букиру присвоено имя 10-летия «Динамо». Отдельные бригады (Рябова и др.) добились 193 проц. суточного задания. Динамовцы организовали на Западе кружок физкультурников, проводят семинары по комплексу ГТО 1-й и 2-й ступени, волейболу и другим видам спорта.

Ленинград — Двадцать один ленинградский динамовец стал призером на авансе командиро-танкистов. Обучение проводилось без отрыва от производства.

Краснодар — В ознаменование финиша 3-го смотр-конкурса черноморского «Динамо» профессор военизированной туристической походы им. Аграпова. Первый маршрут: Краснодар — Красная Поляна — Сочи. Второй маршрут: Майкоп — Белогорская — Соchi. Копный маршрут: Азово — Краснодар — Новороссийск — Азово. Велосипедный: Новороссийск — Краснодар — Туапсе — Сочи.

Ставрополь — Ставропольское «Динамо» в борьбе за выполнение контрольных цифр по 3-му слоту-конкурсу не осталось без внимания и членов общества, находящихся в длительных командировках. Группы динамовцев были разосланы письмами: «Сейчас коллектив добивается 100-процентного выполнения поставленной задачи на основе соединения и взаимности. Вы отступаете. Обращаем ваше внимание на необходимость аннексии нашей земледелистии».

Тюмень — Бригада тюменского «Динамо» организовала постоянное облучивание колхозников-хлебодатчиков в засухах набоях. Этими проводятся беседы на производственные и политические темы и физкультурная работа. Динамовцы получили благодасть от колхозников.

Горячий — Во всесоюзном соревновании завод-смеников Горячевского завоевала им. т. Малютова и организация «Динамо» получила 34 звезды и 43 «Динами». Впереди идут Константиновский стекольный завод (артемовский «Динамо»), «Москальев» (отдел учебной боевой подготовки ЦС «Динамо»). Омутнинский завод стал (вместе с «Динамо»).

Орджоникидзе — Члены горной секции орджоникидзевского «Динамо» тт. Златарев и Арутюнян совершили первую восхождение на гору Чакхадзх высотой в 4,520 метров, в районе Цейского ледника. Подниматься приходилось по склонам, крутизна которых доходила до 70—85 градусов.

Армавир — Динамовцы Армении совместно с подшефным МТС организовали в подшефном колхозе им. т. Воронцова физкультурный праздник труда. В программу вошли: сдача норм на значок ГТО, физкультурные танцы и спортивные игры. В течение 4 часов сданные нормы было охвачено 145 колхозников, и 120 прошли испытание по стрельбе.

На стрелковых состязаниях к 10-летию «Динамо» т. Рыжов поставил мировой рекорд стрельбы — первый в истории советского стрелкового спорта

Тов. Рыжов

РЫЖОВ О СЕБЕ

Стрелковым спортом я начал заниматься в 1925 г. В то время я был красногвардейцем в пограничных войсках. Стрелял и вначале довольно плохо. Мне стало помогать товарищ по службе — Н. К. Михеев, который состоял в команде отличных стрелков. С свободное время он занимался со мной на стрельбище и знакомил с техникой стрельбы.

Результаты быстро сказались: стрелять я стал намного лучше.

Начальником команда отличных стрелков был товарищ Сосинович. Он уважал наших занятий с Михеевым, заинтересовался и тоже помог мне во многом. От него я научился пользоваться ружьем и приемами стрельбы. Раньше я думал, что ремень служит только для ношения винтовки.

Пропустил руку под ремень, оберну его вокруг ружья, возьми ложе... И вот Товарищ согни руку. Отлично!

И действительно получилось отлично. Винтовка твердо сидела на руке, мушка не прымкала по мишени, а сзади неподвижно под яблочком. Теперь надо только правильно прицеливаться, участвовать и правильно спустить курок.

Вы думаете это очень просто? Тогда почему же многиепускают пуду «за молоком»?

Два года и вторично постиг все тонкости стрелкового дела и тренировалась в стрельбе.

И моя работа не пропала даром: в 1927 г. я занял третье место на всесоюзных стрелковых

соревнованиях. Это было мое первое соревнование Стрелкам из инвентории 7—6 ч. на 400 метров.

В этом же году я участвовал во всесоюзных стрелковых соревнованиях «Динамо». Занял тоже третье место.

Эти две победы зажгли во мне желание ити дальше.

В 1928 г. поступила на работу в ленинградское общество «Динамо» инструктором стрелкового дела. Но учиться стрельбе не бросла, — продолжала работать под руководством известного стрелка Д. В. Петунина.

Благодаря этому мне удалось стать одним из лучших стрелков Ленинграда. Это видно из того, что на одном из соревнований Ленинграда и занял первое место. Стрелял из инвентории 7—6 ч. с открытым прицелом на 300 метров по мишени № 3. Мой результат — 170 из 200 возможных.

А в этом году я поставила мировой рекорд. Это было на 7-м всесоюзном стрелковом соревновании «Динамо». Стрелял из мелкосаблевидных инвенторией открытой мишени на расстоянии 100 метров. Из 200 возможных «выстрелил» 198.

Удивляю по двум причинам: во-первых, мой старый рекорд был 197. Во-вторых, на тренировках перед соревнованиями результаты были еще ниже.

На соревнованиях же результаты бывают всегда ниже, чем на тренировках. Поэтому — ясно: всегда немного волнившись.

Ветер свистит в ушах! Финиш все ближе, ближе. Вот уже совсем близко башмаковая ленточка. Кто ее развернет, кому достанется победа?

Бежут плюс к плючу. Ни один не отстает. Но вот тот, что слева, «изжал» и первым коснулся ленточки. Почти в тот же миг на нее налетел и второй, насыпь судьи успел разглядеть, кто пришел первым.

Воронеж нестягивает афишами, плакатами, листовками, лозунгами:

«Детская спартакиада», «...областная...», «12 июля на стадионе «Динамо»...», «Пионер-бол...», «Все на стадион!»

Два раза в день радиэфиром, покрывая шум площадей, разносят вести со стадиона.

А на стадионе многотысячная толпа с напряженным вниманием следят за переплетениями борьбы за первенство.

Хорошо прошла спартакиада!

Ребята оставили далеко позади нормы, установленные судейской коллегией.

Колонизмы цифр нестягивает протоколы соревнований. Время. Дистанция. Весы. Очки. Высота. Дистанция. Весы.

Волода Ружинский... Это тот самый, загорелый, упорный, как хлеб, мальчишка, который сдвинул английским прыжком красиво вниз 110 сантиметров.

...Военизированная эстафета... Воронежская команда. «Время — 1 мин. 15,9 сек. 1-е место» — написано в протоколе.

AI: «Общая спортивная» График: «Место коллектива». 1. Воронеж. 2. Елец. 3. Орел. 4. Альянс. Тамбов.

«Коллектив» г. Воронежа за хорошую подготовку к спартакиаде и занятие первым местом — приветствует красным знаменем «Первой областной детской динамовской спартакиаде».

ПОВЕСТЬ ПРО ДЕДА МИКИТАНА

Сладко засыпало на ноте, жалеется, ранние всех. Все вспоминало, туман как будто сразу пронесся, и наше и осенний дождь, и синий пурпурный грохот, ярость во весь острь... Захлебываясь, замыкали корыто, забытые ѿзы, а от избы, от ветра и тоскливой асфальта на траву, поддергнутое первым вздохом, легкие, неизвестные темы.

Еще недавно, другая и на землю падут затяжные дожди, снега. Не те страхи непогоды Самонецко-му колхозу. На его полях не стоят ни крестьяне, ни кониццы. Колхоз отгорожился, и начнет подметать иной том отлавливает синеву горлицы. Люди отражают синеву от лица колхозных струмилок.

Но встал в деревне, в супотливнейшей крайней избы, где в зевавшие, слегка часовой в запасах, дремлет азотавленный в дрожи дед Микитан, на дневном шесте прибита доска:

Сапоневскую колхозу,

первый в районе закончившему хлебопашству, уборку и осенний сев, почет.

2

У колхозных алтарей шло собрание. За праздничным алтарем в центре с начальником полиграфии беседовал старик Иван Алексеевич Астапов, извозчикований и беззаболивший, в новом пижаме. Рядом с Иван Алексеевичем Ольгутка — скотница, в жакете со сборами сады, в шагревенных сапожках-тусяриках. Нарядились все, как на свадьбу.

Сидел Иван Алексеевич за столом и посыпалась премиальными пастами голенищем о головище. Согласия ищущие надел на эти спаси для торжественного случаю.

...Как-то стоял Иван Алексеевич после уборки хлеба, сидел на лавочке, воротил глаза, пристреляясь с двумя колхозными ребятами, работавшими на постройке синеварника. Из-за угла чихнул, верхней по всему видать — не самолекти. Он отпружнил лошадь и легко скосил.

— Где, — спрашивается, — мне найти старшего конюха нашего колхоза, Ивана Алексеевича Астапова?

— Мы санье и есть, — ответил Иван Алексеевич, припурившая глаза на неизвестного парня.

Перено опустив пиво, и ничего не говоря, стал разматывать опонуков. Да это он рвался за пазухой и достал наложенный пакет.

— Всемя тебе в собственные руки, а вот здесь расписаться, — я, фазердора замыгавшую тетрадку, нарочный ткнул в нее пальцем.

— Э, мыло, мы только в престол после попа кондолова потому учимся выписывать, — отвечал Иван Алексеевич, — расписаться никак не можем.

Вызвал Иван Алексеевич в тетрадке три корявых онка, принял пакет, воротил его на лобок в руках и знает, с какого конца к нему приступиться: споду такого не было... а с собственные руки!

Да и откуда и от кого было получать письма неграмотному мужику глухоманской деревни Самонец? В любовных делах расписки не требовалось: загорались они у колодца, в гаражах на посиделках, потухая потом в неизвестном переполохе: огоньком в пыльном скворце отцов. Маркером дели решительные письма колхозником. Кто же написал откуда звать письма?

Это от кого же было? — не сразу решился Иван Алексеевич спросить посыпанного.

— От начальника полиграфии.

Стоял Иван Алексеевич, раскоряк ноги, потирая лоб, на котором крупной дробью выссыпал капли пота, и никак в толк не возьмешь: о чем может писать ему полиграф?

— А ну-ка, Степка!

Степан пришел от Ивана Алексеевича пакет, опроверг от него заклейки и начал внимательно и внимательно читать:

«Иван Алексеевич! В самый тяжелый момент, когда лошади стали худеть и выбывать из строя, ты, Иван Алексеевич, принял на себя заботу о колхозной конине и в короткий срок добился того, что она стала востребованной. Пропали осенью твоим же старением почти на ничего была построена новая конинка. Во всякой работе ты показывал пример, как надо работать. А наш вязарь товарищ Степан сказал: если будем трудиться честно, на себя, на своих колхозах, мы добьемся того, что в какие-нибудь два-три года поднимем всех колхозников до уровня зажиточности.

Желаем тебе, Иван Алексеевич, здравствовать долгие годы и с еще большими интересом относиться к колхозному делу. Показывай трудом пример молодежи. Ведь она не испытывает никакого пренебрежения к твоим старческим занятиям, многое из молодых не всегда ясно себе представляют, что значит для трудающеся крестьянства новая, колхозная жизнь. Воспитай молодежь в испытании к поместьи, к кулаку и его опасности, в ненависти ко всему тому, что заподлицо с пропастью кабеле. Учи их быть ударицами по всей колхозной работе. Помни, чтобы к этому другим старикам своего колхоза. Надо показывать дело так, чтобы все считались с практическими советами колхозников-стариков, чтобы старики были в почте.

С дружеским приветом
начальник полиграфии **Вощилин**.

После этого письма напало на Ивана Алексеевича, что его словами, большое бесполезство. Он и раньше не ходил с ленивой музикой развалищей, но с этого дня Иван Алексеевича было не узнать: то

на полок лезет показывать, как надо «барабан корынть», то наливает двустороннюю пачку на молотилку, сейчас у соломы гомонится, проверяя яловцу из веточек, какая лучше, вспоминает о некоем зерне, для он засорил ему кудахнула неподалеку, если находила его, причем, иногда материально ругалась. Такая комичность некоторым была не по первому, однако к основе, в очередное премировище, председатель колхоза Лунич с первого же слова обратился к собранию:

— Ну, вишь, колхозники, я думаю, что вполне правильно будет, если мы в первую очередь премиальное слово присемеру Ивану Алексеевичу?

И вот наше на торжественное собрание присяла Иван Алексеевич в премиальных сапогах.

Председатель колхоза Лунич стоял прямо, окидывая, когда утихомирится звон пионерских голосов на улице. Может быть вспомнишься ему в эту минуту его далекая родина, где остались жены и дети. В 15-году восенилонский настриец Лунич был призван в армию имени Сечева, а в октябре 17-го Лунич первым заселил удар Сечевского зернодобывающего участка в Семеновском районе. Революция оторвала ему бывший лесотряд помещичьей земли. Но Колхоз ушел в ее еще с первым годом. К детям то же пропавшего без вести, то ли убитого мужа приближалась новая лети, и никогда не вынырнула из памяти Лунич дасская Австралия. Он даже говорит на языке по-русски так чисто, что не сразу можно угадать в нем человека из другой страны.

— Колхозники и колхозники! — начал Лунич, когда пионерское шествие пересадило за бугор, к мельнице, и сразу кругом все притихло. — Сегодня торжественный день. Сегодня мы должны увидеть распределение колхозных доходов, чтобы последние собрались разобрать зерно по своим эмблемам.

...Хебинские крошки забытое собираются в деревне после обеда в пригороде. Их бабушки не сидят на скамейках, бабушки с ногами для коровьих хлеб в деревне велики. Хеб — это жизнь. Символ эмблемы, что амурская земля стала на высоком стебле тяжелы, острину утихомиривая в ту же вещую землю-парафидатильную колос.

Неудивительно, что после выступления слов Лунич лица колхозников засияли вперед, бороды отворялись от юмористов и метафорами повышенной язвы. Виделись три четверти публики на зерне трудодела и четырех рублей.

Старт Иван Алексеевич и не может найти в эту минуту нужных слов. Шобер с машиной начальника полиграфии выстала фотографировать под санью бороды Ивана Алексеевича и щелкнула затвором. Это еще больше смущило.

— Чего ты тут еще тячешь!

Немудреный фотограф хотел было засмеяться и снова застыдился черным глазом своего аппарата, но в это время поднялась начальница полиграфии Вощилин и, обращаясь к Ивану Алексеевичу, сказала:

— Иван Алексеевич, старина, борода сода, позовь подправить тебе как лучшего колхозника деревни Самоец. Иван Алексеевич, я приезжала раза к тебе на конюшню и даешь сейчас пирожок всем сказала, что ты не погоди, как будто я съела сало, и склонил голову вправо, будто спит, а легонько и весело, когда только лягут его. Иван Алексеевич любил портиться на колхозах и всем показал пример. Ты был едиником, а теперь, можешь сказать, у нас самый популярный зажиточник, и про руки этой занятии не хватает мицрода, а забытое колхозники-трудодоболы. Грудки, Иван Алексеевич, засыпало на конюшне.

Вниманию подписчиков

Срок вашей подписки на журнал «Смена» истекает 31 декабря 1933 г.

Поспешите возобновить подписку на 1934 г.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, письмоносцами и сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях уполномоченными «Гудка» на транспорте.

Издательство ЦК ВКП(б) «Правда».

ВАСИЛИЙ

БОРАХВОСТОВ

В. Борахвостов

И мне это вы встречаете часто на страницах наших журнала.

Я бы даже сказал, что оно является синонимом често. Это создает впечатление, несвойственное для молодого писателя. Создается впечатление некоторой поспешности в работе, чрезмерной легкости в прописиности материала.

Следует принять во внимание то обстоятельство, что Борахвостов работает только над жанром новелл. Предполагается, что этот жанр более легок по сравнению с романом, повестью и пьесой, известно, что некоторые короткие, но замечательные рассказы писателей-классиков были написаны в один день.

Но это обстоятельство не должно обнадеживать тех молодых писателей, которые похожи на птиц в облаках в области короткого рассказа. Здесь от автора требуются совершеннейшая литературоведческая техника, превосходное знание материала и умение скажать развернутую сюжет, не скрывая при этом художественные формы.

Если же во внимание все эти требования, привлеченные к маленькому рассказу, вновьется надо признать, что Борахвостов не способен на письмо лихими сопротивления. Почти во всех его рассказах отсутствует то, что мы называем сюжетной линией, сюжетом. Он работает над особым формой рассказа, которую можно назвать «рассказом о том, каким», рассказом о самом себе, о своих ощущениях, переживаниях, не связанных ни с каким значительным событием. Отсюда происходят своеобразие «личество», выдающиеся свойства «я», извращение реальности, эмоциональность, иногда раздражительность читателя.

У западных писателей этот жанр рассказал довели до предельного совершенства Петер Альтенберг и немецкие импрессионисты.

Влияние этих западных писателей легко проследить в нашей дореволюционной литературе и отчасти в том литературном поколении, которое прислоило после Октября.

В нашем случае, говоря о советских писателях, разумеется, не о Гоголе, о Купреинском, Олеине, «Би-шапке мотоциклиста», рассказах), а о писателе этого поколения. То, что некоторые называют «выпуклым стилем» — метафоричностью, насыщенностью образностью, изяществом нарядности сказанный. Все эти типичные для под责任编辑 Олеини черты (и, кажется, тем самым более ранних писателей Запада) мы находим в рассказах Борахвостова.

Естественное для писателя желание уйти от общепринятой, банальной формы приемо его к другой крайности — творческой форме любой значительности, о которой я говорю выше.

Для того, чтобы в совершенстве овладеть так называемым «символическим стилем», нужно иметь большую литературную базу, огромные знания литературы и философии прошлого. Только тогда литературное изобретательство, поиск новой формы дадут хорошие результаты. В ином случае работы молодого писателя приведут к открытию давно открытий вещей, к изобретению давно изобретенного.

Вот от чем следует помнить Борахвостову, молодому писателю, сделавшему все же большие успехи в области познания старой и новой литературы.

Чтобы мое утверждение не было бездоказательным, я остановлюсь на двух лучших рассказах Борахвостова. Один из них — «Рассказ о водосточной трубе». Этот рассказ получает все и значение не из-за такого-либо словесных трюков, а потому, что на первом месте у него стоит социальное содержание, история логорта часочки, рассмотренная бедами у водосточной трубы.

Против этого в «Рассказе о водосточной трубе» есть свежесть, своеобразие литературного приема и оригинальность, не выпирающая на первый план, не затмевающая социального смысла рассказа.

Другой победы Борахвостова следует считать рассказ «Ресторан „Волга“». Он построен на ярких образах, на ярко выраженных сочтывающих повествовательной тон с мыслью автора. Это создает настроение и естественно вводят читателя в рассказ о «пасынках жизни», обездоленных людях жестокого прошлого.

Это рассказ о дореволюционном прошлом, о человеке, разделенном империалистической войной, о его товарище по несчастной и беспросветной жизни — ресторанному мальчику. В этом рассказе есть лучшее типа независимость, непосредственность и подлинная художественность.

Тот пример обратного и умел поставленного в рассказе лирического отступления:

«Все не были в пустом ресторане ночью, когда в порожних и темных залах бродят тишина, когда в чреве буфета тихо позванивают руки от хвоста проезжающей крысы и когда в окна с улицы вспыхивает кастрюльный свет керосиновой фары?»

Пустынный ресторан похож на ночное кладбище.

В нем бледно блеснут мраморные зеркальные плиты столов, горючие деревьями, произрастающими из кадок. В углу, как часы готического стиля, возвышается огромный ревной буфер, обставленный цветами и обиженный деревянной изгородью прилавка. Кое-где мозаичными холмами темнеют диваны, облитые пылью слизеви и голубые тонастыми ладонями посетителей. Тогда крестят нет.

Вместо них стоят скучные стулья, на которых сидят гномы.

В этом отрывке нет штотельства фразой как та-ко-ко. Есть подлинное настроение, искренность, литературная зресть и зоркий глаз беллетристы.

Что же самое ценное в Борахвостове? Конечно же то, что он старается итти по протертанным алтернативным путям, что он ищет новых дорог, и если при этом сбивается, не смущается, продолжает писать.

Самое опасное в работе Борахвостова то, что он часто обманывает самого себя, принимая миниатюру метафор, нарядность и пасторику стиля за подлинное литературное изобретательство. Эта же миниатюра метафор часто придает ложную значительность его рассказу.

Борахвостов избавится от этих недостатков для

ПУТЬ

За стеной
ребенок плачет.
Ницкого
самшин речитатив.
Новый дом наш
не знает качек...
Да...
и вс-таки
мы в пути,
Товарищ, руку!
Ты готов?
Отвечай скорей...
Нам придется,
как Джемсу Куку,
Дратиль
с племенем дикарей.
Дратиль,
чорт побери,
Жестоко.
Если прогнешь,
не пощадят
Те,
что висо склоняют в топках,
Книги —
и пепел
и парадиши...
Ни товарищу
крепко спится
В ночь дождливую октябрь,
Плотно сомните
респиции
Об усталости говорят.
Отдых,
Цепу его минутам
Я, как формулу,
знаю сам.
Из вечернего института
принесящий
в два часа,
Ты
прости меня
за ворчанье:
Что поделаешь —
вздых промок...
На столе
остынет чайник,
На подушке
лежит письмо.
Я читаю,
и чай мойстынет.
Тот,
чьи имена стоят в письме,
Спит сейчас
далеко в пустыне,
Распростираясь
и кончи.

Что
в песах каракумских синца,
Мы расскажет мой друг
потом...
Вину:
замерли вереницей
Нами сделанные
авто...
Вытрем скатерь...
закурим трубку.
Сон
отложим еще на час.
Завтра
в девять утра,
Подготовясь,
войдя я в класс.
Будет тихо вращаться
глобус.
И, дыхание затая,
Мой рассказ
будут слушать в оба
Юлии
нашего корабля.
Я сажусь
роверять их тетрадки,
За стеной
кричит сосед,
Вместе с нами
в своей кроватке
Отпамываящий
и
новый свет.

Веселой поиск дх вегеринки

Все мы веселимся по-разному. Но повеселиться вместе смыслимся все. Одни шагают в театр, другие в кино, третьи ищут веселья на вечеринках.

Вечеринкам мы посвящаем сотни тысяч человеческих часов. Но внимания мы им почти не уделяем. Мы рассматриваем их как стихийное явление, учету и регламентации им подлежащее.

К вегеринкам отнабаиваются «сторонние», труженики недовольственного отношения. Но вегеринки вечно хороши. Это не значит, что Невесты вегеринки умеют готовить. Другое дело. Отправившись вегеринки, мы посыпаем сотни тысяч человеческих часов.

Некоторые из них неуделены. Их не уделяем.

К вегеринкам отнабаиваются «сторонние», труженики недовольственного отношения. Но вегеринки вечно хороши. Это не значит, что Невесты вегеринки умеют готовить. Другое дело. Отправившись вегеринки, мы посыпаем сотни тысяч человеческих часов.

Квартира принадлежит монополисту председателю некой фабрики мятежных кукол и карточных фокусов. Двери трех комнат представительской квартиры раскрыты настежь. Расположенные одна за другой в одну линию, они образуют живописную ширму.

В крайней комнате пасет розовый альбакар. Три матраца, обитые материями с нарисованными на них куклами, стоят вокруг. Занавески и занавески расположились на подоконниках. В углу, под забытой иконкой, лежат граммофонные пластинки. Вся лигия мебели стояла у входа в квартиру.

Гость встречает осанистого папа-представительца. Он курчав, с лысицей в две трети головы. Одни глаза прикрыт наполовину.

Представительница, и в представительской квартире подаётся самое национальное веселье. Непроницаемые молодые люди и такие девицы сидят на матрацах. Экспортная пластика беззастенчиво вертится над мембранным, выпадающими звуки чарахстона «Ударь куки». Шлемовые хвости трещепут ртом с броками, похожими на попкорновые рукава. Кто-то в проходе бормочет, что он никому не мешает. Одни почтят презрый молодой человек обозвав всем собачьими мордами.

Умеличный папа глядит на шуршащие пары и вздохнувшись сопит:

— Ой, не могу! Не прямо патноморты! Как я замечу...

В одной руке он, как будто, держит пустую четверть.

Когда веселье достигает высших точек, на лестнице раздаются авторитетные шаги дворника и управляющего.

В новом доме за заставкой в квартире хранящей чугунную сковороду завода человек двадцать парни и девушки сидят вокруг трех составленных вместе столиков.

Большой самовар пылает рядом и на столе. Четверть коробки мармелада, блока самодельных корней, банка с медом расположились на столах.

Некоторым из присутствующих не скрывают своего недовольства невинным угощением. Гости ведут себя как воры.

Хотя мармелад, мед и коринмят на столе, все ждут словами немотивированного порядком. Когда все сидят, холмы в хлебной тишине спадают со всех посуды и скатерти. Тут же под этой балладой столы откладывают к стекам. На середине комнаты первая пара откладывает русскую.

Из-под каблучков струится пыль. Девушка пытает со скучными лицами. Некоторые почему-то начинают напевать пальто. Всесел от этого не становится.

— Хорошая вечеринка! — замечает из угла угрюмый голос. — Братская молчанка, и не вечеринка! — и он зачумывает пальто каторжную сибирскую песню «В стране радной лягушки».

На третей вегеринке веселятся люди, повидимому предпочтитающие тихую, интимную обстановку. Уже на астениче отчужденные салышки смачная музыка потесняет, громыхает разбрасываемая посуда. Плотно запертая дверь вибрирует, как мемброза. Посторонние не впускают. Поэтому дальний звук от вегеринки со складодоброизводством уловлен не представляется возможным.

А теперь вот как прошли два часа на четвертой вегеринке. Несколько активистов довольно скромно, чтобы собраться, покосились.

Середине комнаты совершенно свободна. Стулья и диван стоят у стен. У окна на столике конфеты, бутерброды, несколько бутылок квасу и сладкого вина.

На сду и питья специального времени они не откладали, или пили, когда кто хотел.

Почередно играли на телефон и гармонь. Больше половины ребра не умело танцевать, и между двумя склонялись. Синева становилась вальс, моноги припрямлялись. После вальса останавливались в чечетке. Девушки с Треххолмий предложила показать, как танцуют западный танец «румба». Гармонист быстрым ударом мотыги. Три пары начали ритмично притопывать и взоружиться. Кое-кто изменил, что это отголоски загнившего капитализма. Но различии между просторской парной чирчотой и буржуазной «румбой» оказывались трудно уловимы. Хористки чистоты танцевальной культуры предложили вынегру. С топотом со склоном заблуждений, с повторами и со смехом пропала вынегру.

От звука разгорячился аппетит, покалывало желудка. Нерусинство залукного стола исчезла. Возле него возникло большое оживление. Во всем чувствовалось что-то организованное руководство.

Танцы прекратились еще до того, как успели всем основательно надоесть. По негласно разработанной программе вегеринки все участники ее должны были показать свои таланты.

Одни обрадованы тем, что бы то ни стало всех рассмешили. Они влезли на середину комнаты. Папа-представитель сказал:

— И же вы, братцы мои, гражданочки, думаете, не успела я мозгами, извините за выражение, спичку напомнить, самому, карау, кричат.

Это было пародия на рассказ Заценко. Рассказчика весело слушали.

За них вышел парень с завода им. Владимира Ильина. Он прошелся по комнате, расставив носки врозь и переворачиваясь. Он был специалистом по кину.

— Чапали! — смеясь вскочила девочка у столика.

После Чапали прошелся по комнате, поводя пальчиками. Игорь Ильинский. Бастер Китон, смешной и скучный, поглядел на участников вегеринки. Дуглас Фэрбенкс перепрыгнул через стул. Адольф Менки из «Парижинов» подошел к телефону, томно смежил очи и вытянула губы. Это был Николай Власов, инструктор ФЗУ.

Тем, кто ничего не подготовил (таких наполовине), заявляли права, и они довольно болтали до конца. Это было подтверждено такой сказкой, что под сканами начали собираться мальчишки.

«Слапш» все время нападал на друга. Пока один недовольно нащупывал поясок на глазах другого, на них налетел третий.

После этого пели хором «По долинам, по затворьям». Потом чаушки:

Слайд выше у порога,
Широко раскрыши рот,
И никто не разберет,
Где ворота, а где рот...

Затускливым поплан шаряд в «Лицах»; послали широру Шура Чертковика спас «То не втерь вороги!». В половине первого напомнили, что неслыханно бы сплыть потоптавшись...

Размашинко по дому в половине второго.

— Потому же, — спросил глубокий почивчак, — в нашем клубе нет ничего кроме лекций и киносеансов?

— Да там как-то неудобно, — ответил Власов. — ведь скажут, что в соревнованном месте дурака виляют.

Рабочая вегеринка может быть трезвой и веселой.

Гость встречает осанистого папа...

Икра парижского хола была видна ширепги и электрических фонарей.

Два ярких светильника ряда висячими на Пресненской вазами в обе стороны. Им наперевес простаивали белые огни по Краснопресненскому бульвару. Между черных домов светились молочными светами фонари переколов, разбросанных по изысканным линиям старомосковских павлов. Старинки с Пресни сих пор могут рассказать любопытным, как напали когда-то поганые собаки на упавший в Черниговской приставу. Он пузирялся в грязи и в кромешной тьме, а собаки, словно стальные волки, грызли ему ноги и бока.

Здесь царила зеленая скуча...

рисунки Челенкова

Я. Яковлев.

ХОТИМ ВСЕСАЩЬСЯ!

Минувшее лето было испытательным сроком для московского Центрального парка культуры и отдыха. Парк его выдержал. Мы начнем находить в нем то самое, что им нужно, и не что извоняет нашей стране все, без исключения все, права — яркий, солнечный, разноцветный досуг. В парке загадки постоянные блеск, веселый и смех, в парке уже танцуют и пляшут, в парке весело, добро. Это отметил, поздравив их с пятилетием, вся страна.

Но ведь нет такого хорошего, что не могло бы быть лучше.

В парке незамерзли скучен «развлеческий» инвентарь — узкое место на таком широком просторе! Нужно строить новый инвентарь, новые водные аттракционы.

Как, удивляется руководитель парка, разве не мы об явили конкурс на изобретение но-

вого водного риска в голубую озерную воду. Скоро в Центральном парке будет плавать подводная лодка на байдарке человек. За полчаса гость парка сможет последовательно познать, что рожденные лягушками современно рожденные плавать под водой, смогут на собственном опыте проверить всю величественность и грации работы, которую выполняют его браты в воздушном и подводном кинематографии. Останный аттракцион, захватывающий зрителей стимулом.

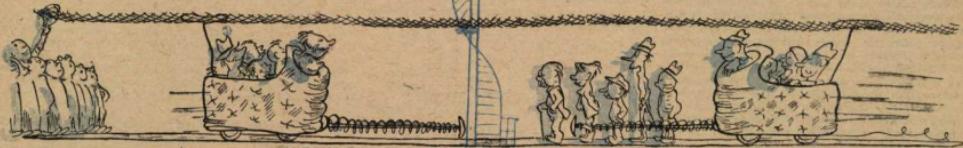
Время не земля. Наша страна моторизует ся, вполне гибко и проворно. Стимулом для новых изобретений послужит парад с рулевым управлением авто, проверят его газометр, его хладо-корпус. Посетитель сядет в авто, движимое толчком (принцип троллейбуса, над плющадью — сетчатый потолок электропроводов), и с этой минуты авто приходит в равномерное движение, оно неумолимо движется вперед, а рядом с ним, вперед-

и несущим фавнокесие, под поддержательное хиппование арлекин.

Со ступенем мы скатываемся в большую уличную трубу. Она вертильно действует быстро, чтобы мы не успели сохранить вертикальное положение. Вы оказываетесь на карачах! Ассоциация азиз-пиз, вы добираетесь до конца трубы! Уфф... Ка-кое там, вы попадаете в другую трубу, которая вертильно в обратном направлении.

Вслед за тем расположимся в шахматном порядке квадраты и круги, вертильно, вращаются, прыгают, превращаются под ногами, убегают от них.

Наконец, как и аттракцион, забрасывается вас на соседний участок, и здесь за нас обдумывают ураганы, тайфуны, торнадо — все водостроительные в метрологии зловредные ветры. Они производят вас насквозь, а так как мы от недавних перекинувших вспотели, то вам обеспечечен

ных аттракционов? Разве не мы самостоятельно строим ряд новых аттракционов?

Да, товарищи, вы имеете конкурс. Но сделаем ли мы его достойным всех тех, кто хочет и, главное, может принять в нем участие?

Обратимся же вы через местные комсомольские газеты и журналы к четырем мальческим пионерским работникам паркотдела культурного отдыха?

И вот на сегодняшний день (1 ноября) вы по-лучите лишь около шестидесяти тысяч различных предложений, из них лишь два в эдикте.

До чего же это малоство для всесоветского парка! Чем же, выдумки нехватает в нашей стране, делания помочь повеселиться, изобретательский вим-миска? Причина эта — кабинетная затхлость чиновников. Вместе же этот конкурс на волнистый воздух широчайшей комсомольской самодеятельности!

Помимо конкурса парк строит несколько новых аттракционов. Парк их начинает изображать на плакатах на 50 метров. Уже на вершинах, повиснувших стеклобордовых смесей, будут проплыть самолеты на стальных трасах.

Придет паркогород посетителя, героями станет самолет, взмывает за руль — и самолетично спущит всю торжествующую радость победы над воздухом. Останный аттракцион, восхваляющий высокие отметки!

Ли и позади него спрут десяток других таких же авто, и ты взмывешь крыльями в ручьи, невесом с ними не стоянешься. Правда, тебе не придется участвовать в случае катастрофы, ибо борты этого кото-корабля оббиты пухлой, наеленной резиной и совсем белозапасы твой приключительный рейс, автомобилестроитель!

Учись преодолевать быстро врага! Расти крепкие мышцы! И потому хороши и четвертый аттракцион — скетинг-рифт, воскрешающий забытый у нас спорт, скользящий на коньках, снабженных колесиками. И он по праву получит высшую отметку!

Но еще не закончен параллельный аттракцион. Кто же это ковыляет слади, притворяясь веселчиком, скрывая множественные синники и ушишки? Откуда эти, исчадие «Луны-Парка»?

Ибо следующим аттракционом училище плетется, которая сделала бы честь любому европейскому «Луна-Парку», но которому нечего делать в нашей Москве.

Эту затею работникам парка условно называют «мост приключений». Но что это за унылые, бесподобные приключения!

Вы становитесь на первую ступеньку моста, он начинает плавать под звами, искреяя бросить, вы совершаете прыжок вперед и попадаете на вторую ступеньку, прыгнув, плюнув, все они ерзают и галопируют под подметкой, а вы балансируете, си-

грипп с интересными осложнениями. Если вы при этом дежуришь, то ваши юбки вознесутся вкору.

Но вот инредиент начнет мачинить суда. Последний рифик — и перед вашим зумным взором предстанет чудесный мостик Лестница Адамова. Но не такой это аттракцион, чтобы поднимать вас Лестница звездно выражается, преображаясь в гладкий скат, и вы лицо скатываетесь вниз.

Таковы те приключения, которые заманчиво суть «мост приключений».

Мы за приключение, за романтику приключений, мы за высокогорный туризм, за альпийскую, за подводную лодку, за скетинг-рифт, за волнующую прелесть осенне-зимнего приключения.

Но мы против зловещих бессмыслиц аттракционов, идея которых незамысловато заставлена из сомнительной сокровищницы бирюзовых «Луны-Парков».

Мы рады, что парк работает хорошо. Мы должны помочь ему работать еще лучше.

Мы приглашаем рабочую молодежь включиться в изобретательство веселых.

Мы хотим, чтобы в нашей замечательной молодой стране было веселого!

1 В последнюю минуту мы сообщали, что ветер испытан на репертуаре «мост приключений». Работники очевидно догадались, откуда этот ветер дует!

ЦЕНА 50 КОП.

ЭЛЕКТРОФОНАРИ НА КОЛХОЗНОЙ УЛИЦЕ

В передовом колхозе Ленинцы Кабардино-Балкарской области установлен мощная электростанция. На улицах и в саду звучит памятник "Ильинка". Фото А. Смирнова